

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра богословия и библеистики

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Выпускная квалификационная работа
студента V курса бакалавриата ВДС
Бондарева Антона Юрьевича

Работа завершена:

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (Бондарев А.Ю.)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (Горюнов А.А., иерей)

Заведующий кафедрой

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (к.ф.н. Абрамов А.В.)

Проректор по научно-богословской работе

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Владимир 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ГЕРМЕНЕВТИКИ.....	7
1.1. Понятие герменевтики.....	7
1.2. Различие традиционной философии и герменевтики.....	10
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПАРАДИГМЫ ТРАДИЦИОННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ.....	14
2.1. Библейская интерпретация и герменевтика во II в. н.э.....	14
2.2. Александрийская и Антиохийская школа.....	17
2.3. Библейская средневековая герменевтика.....	21
2.4. Эпоха Просвещения и Реформации.....	24
2.5. Библейская герменевтика Шлейермахера Гадамера.....	30
ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА	33
3.1. Либеральная и консервативная парадигмы Запада.....	33
3.2. Конгруэнтность постмодернизма и христианства.....	37
3.3. Европейский и американский постмодернизм.....	40
3.4. Деконструктивистское и контекстуальные направления в теолого- герменевтическом дискурсе постмодерна.....	47
3.5. Тенденции православной библейской герменевтики XIX-XX вв.....	53
3.6. Легитимность историко-критического метода православной герменевтики	55
3.7. Смысловая функция библейского хиазма.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	72

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа посвящается рассмотрению онтологическим проблемам и методологическим основам библейского текста в рамках современного богословия и библеистики. Стоит отметить, что под современной герменевтикой я понимаю и исследую герменевтику модерна и постмодерна. Неотъемлемой частью моего исследования будет ретроспективный взгляд на библейскую герменевтику, чтобы проследить путь изучения и толкования Библии, а также провести компаративистский анализ подходов к данной проблематике разных герменевтических парадигм.

Однако, перед тем как приступить к вышеизложенной задаче, необходимо понять, каково место герменевтики в философии и богословии, ее задачи и цели, а также указать различия в библейском и философском подходах к данной дисциплине. Так же, необходимо обозначить актуальность, выбранной мной выпускной квалификационной работы.

Актуальность темы исследования

Актуальность обозначенной нами темы обусловлена тем фактом, что современные герменевтические парадигмы является наиболее значимым духовным явлением современности. Возникновение постмодернистской концепции связано с разочарованием в предшествующих философских парадигмах. Сформулировав новые представления и концепции философии и науки, определив новую роль человека в универсуме, постмодернизм предложим совершенно новую парадигму миропонимания.

Новые представления о человеческом бытие, новая философская концепция, реализованная на практике, с необходимостью, требует переосмысления в духовной сфере, а именно христианской философии. Новый взгляд на христианское учение неотъемлемо связан с переосмыслением экзегетики Библейского текста, что приводит нас к проблемному полю современной библейской герменевтики.

Степень разработанности темы.

Сама по себе выбранная нами тема современной библейской герменевтики в достаточной степени разработана в зарубежной философско-богословской среде. В Российском научном и богословском сообществах раскрытия данной темы представлена в работах таких ученых, как А.В. Арапов и А.С. Кравец. Для изучения и исследования поставленных проблем и целей необходима литература, которая будет являться главным фактором разрешения проблем. В своей работе я буду неоднократно пользоваться первоисточниками. Основные идеи, выводы и теоретические положения бакалаврской выпускной квалификационной работы, были основаны на научных трудах Э.Тисельтона и А.В.Арапова, а также на экзегетических трудах разных представителей Христианского мира. Исследуя современную герменевтику библейского текста, мы изучим основные философские концепции таких авторов, как Ф. Шлейермахер, Г.Гадамер, Ж. Деррида, Р.Барт, Ж.Лиотар, Ж. Бодрийяр, С.Фиш и Р.Рорти.

Объект исследования: библейский текст, проблема толкования библейского текста, протестантская современная герменевтика, ассимилятивный синтез постмодернизма и библейской герменевтики, герменевтика постмодерна.

Предмет исследования: библейский текст, богословские труды Отцов церкви, комментарии к Писанию авторов средневековья и эпохи Просвещения, философия западных и американских постмодернистов, философско-богословские труды представителей протестантизма.

Цели и задачи:

Целью данной выпускной квалифицированной работы – исследование и целостный анализ библейской герменевтики через призму современных герменевтических и философских парадигм, а также рассмотрение экзегетических трудов авторов разных веков для выявления тенденции к переосмыслению Священного Писания современном мире.

Для достижения установленных целей предполагается решение следующих задач:

1. Рассмотреть такую дисциплину, как герменевтика и понять ее философский и богословский характер.
2. Изучить основные направления и сущность традиционной библейской герменевтики для понимания современного взгляда на устоявшуюся догматическую позицию.
3. Рассмотреть возможность осмыслить христианство в рамках современной герменевтики, а также найти основания для нового взгляда на библейский текст.
4. Выявить специфику библейской герменевтики в рамках постмодернистской парадигмы.
5. Рассмотреть основные направления герменевтического дискурса в современном протестантизме.

Методологическая основа:

Методологической основой данной курсовой работы стал теоретический анализ философских и богословских трудов по толкования Библейского текста представителей разных философских и богословских школ. А также анализ и сравнение их монографий по онтологической и герменевтической проблематике. Кроме того, будут использованы такие методы как диалектика, историзм и функционализм, а также общенаучные методы. Этот набор методов социального исследования, по моему мнению, отвечает поставленным в выпускной квалификационной работе задачам и раскрывает сущность, исследуемой мной библейской герменевтики в рамках постмодернистской парадигмы.

Научная новизна результатов бакалаврской выпускной квалификационной работы заключается:

1. В обнаружении тенденций к переосмыслению толкования Библейского текста.

2. В обнаружении новых направлений христианского богословия и философии на основании современного герменевтического подхода к Библейскому тексту.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Настоящее исследование дает возможность более содержательно взглянуть на библейский текст с точки зрения современного человека, а также проследить эволюцию понимания, толкования и интерпретации Библии.

Теоретическая значимость заключается в раскрытии всех существенных проблематик библейского текста в рамках постмодернистской парадигмы.

Теоретические выводы выпускной квалификационной работы в дальнейшем могут быть использованы для более систематического и глубокого изучения данной темы, учитывая ее современность и актуальность.

Научно-практическая значимость данного исследования выражается в актуальности обозначенной мной темы, а также в новизне проводимого анализа, что дает возможность этой работе быть использованной для дальнейшего изучения. Так же, данная работа может претендовать на ее использование при составлении и преподавания профессиональных учебных курсов по философии, экзегетики, психологии и смежными с ними дисциплинам.

Структура работы:

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА I. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ГЕРМЕНЕВТИКИ

1.1. Понятие герменевтики

Центральное место в герменевтике занимает такой процесс, как прочтение, схватывание и аналитика текстов, написанных в совсем другом историческом контексте. Что же касается Библейской герменевтики, то она с пристрастием занимается исследованием текста, его прочтения и применения, а так же влияния на человечество.

Благодаря исследованиям известного философа Фридриха Шлейермахера, дисциплинарная структура герменевтики стала включать в себя несколько важных дисциплин. Безусловно, учитывая тему моей работы, начнем с богословия. Герменевтика библейского текста касается богословских вопросов. Точнее даже будет сказать, что Богословие, опирающееся на библейский текст, с необходимостью, нуждается в герменевтическом подходе. Второй дисциплиной, включенной Шлейермахером в герменевтику, стала философия, изучающая способность условия понимания текста. В-третьих, литературоведение дает нам представление о видах текстов, а так же предлагает различные способы их прочтения. Социология предоставляет нам возможность определить влияние разных рас, национальностей и социальных групп на прочтение и понимание текста. И последний дисциплиной является лингвистика, ибо дает возможность изучить процессы передачи содержания текста и, даже его воздействие на определенную группу или человека.

Исследователи библейской герменевтики, осмысливая текст, пользуются различными источниками, помимо первоисточников, а именно Ветхий и Новый Завет. Они также используют экзегезу, не оставаясь равнодушными к вопросам христианского богословия и каноническим требованиям, учитывая дифференциацию интерпретаций и восприятия данных текстов.

Начиная с эпохи Отцов церкви, примерно 500 г. н.э., до конца XVIII вв. герменевтика определялась как «правила толкования Священного Писания». Зачастую отождествление экзегезы и герменевтики считали допустимой и только в XIX веке, ранее упомянутый мной Шлейермахер, а так же Ганс Гадамер, высказали в своих трудах важное предположение о том, что герменевтика в своей сущности проявляется не как наука, но как искусство. «Герменевтика – это искусство понимания, и потому носит философский характер» [1,с.226]. В свою очередь, у Гадамера позиция родственна Шлейермахеру. Он считает, что герменевтика не должна быть способом формирования методов, основанных на рационализме: «Герменевтика – это, прежде всего практический прием, искусство понимания... и здесь наиболее полезным оказывается слуху» [2,с.111].

Герменевтика имеет огромную историю своего существования как наука о правилах интерпретации. Для некоторых и сегодня актуальна данная проблематика. Не вызывает удивление и то, что такой подход был в ранее-раввинистических правилах и традиция толкования. В первую очередь нужно вспомнить, что толкование Священного Писания имеет ранг священной традиции. Далее, необходимо знать, что в 30 г. до н.э. Гиллель сформулировал семь правил интерпретации, которые по своей сути носили смысл правил индукции и дедукции.

Понятие «правила» относительно интерпретации, является необходимым основанием, для тех, кто привержен к концепции непогрешимости библейского толкования. «Человеческая интерпретация кажется им слабым звеном в процессе утверждения авторитетности Писания при практическом использовании библейских текстов» [3,с.154]. Один из представителей консервативного взгляда на библейскую герменевтику, Мильтон Терри пишет: «Герменевтика — это наука интерпретации» [4,с.1]. Но и он признает, что герменевтика — «это одновременно наука и искусство. Будучи наукой, она формулирует принципы... классифицирует факты и результаты. Будучи искусством, она учит применять эти принципы...

демонстрируя их практическую ценность в разъяснении более сложных фрагментов Писания» [5,с.20].

Необходимо обратить внимание, что в своих трудах Терри воспринимает библейский текст только как источник в коммуникативном процессе. Он не заинтересован в интерпретациях и понимании читателя, но именно роль читателя побудило Шлейермахера и Гадамера сформировать определение герменевтики, как «искусство понимания».

Есть множество критики в адрес Филона, а так же Александрийских Отцов церкви, начиная с Оригена и Климента Александрийского, которые библейский текст толковали аллегорически, то есть преодолевали границы буквального понимания. Можно допустить, что на первый взгляд данная критика оправдана, но на деле все гораздо сложнее, чтобы дать этому подходу положительный или отрицательный ответ. На мой взгляд, Отцы александрийской школы, задаваясь значимыми вопросами влияния текста на интерпретацию читателя, делали это сознательно. Такой подход к читателю является главной особенностью герменевтики Александрийской школы.

Диаметральной точкой зрения принято считать Антиохийскую школу, о которой мы будем говорить подробнее в следующей главе. Все представители этой школы, а частности Диодор, Феодор Мопсуэстийский и Иоанн Златоуст постулируют необходимость буквального понимания. Но разбирая более детально данный подход, можно заметить, что Иоанн Златоуст «контроль текста» передает непосредственно в руки авторов текста, особенно в том случае, если мы говорим об Иисусе, пророках и апостолах.

Подводя итог по вопросу «понятия герменевтики», нужно обратить внимание на качественные различия между ней и экзегезой и интерпретацией. Экзегеза и интерпретация занимаются обозначением реальных процессов, происходящих при толковании текста, в то время как герменевтика отвечает на вопрос: «какую роль играет читатель и что он делает, в процессе чтения, понимания и применения на практике текста?». Так же, герменевтический подход изучает критерии и условия,

гарантирующие обоснованность и результативность, объективность и адекватность в процессе толкования. Такое понимание герменевтической парадигмы еще раз подтверждает необходимость обращения к иным академическим дисциплинам. Герменевтика учитывает философские и психологические, социологические и многие другие проблемы, основанные на интересах, как отдельной личности, так и группы людей.

1.2. Различие традиционной философии и герменевтики.

Большинство представителей философской герменевтики, в частности Рикер и Гадамер, считают, что философская герменевтика сильно отличается, и, даже, диаметрально в своих подходах относительно рационализма Декарта и эмпиризма Дэвида Юма. Герменевтический подход очевидно далек от Просветительского рационализма с дальнейшей диктатурой естественных наук, как основополагающей парадигме человеческого познания. Для более детального рассмотрения стоит выделить основные различия между вышеизложенными подходами.

Во-первых, хотя и рационализм является неотъемлемой частью герменевтики, творческий ее подход акцентирует внимание на восприятии читателя, его «открытости» к тексту и умению слышать текст. Способность проникать сознанием в текст и, в тоже время, проецировать его на себе, для герменевтики значительно важнее, чем доскональное изучение объекта. Такая способность в герменевтическом подходе дает нам возможность понимать текст, в то время как, изучение текста лишь объясняет его. Известный ученый Джеймс Робинсон, понимает этот принцип как: «поворот вспять традиционного потока мысли» в эпистемологии или теории познания»[6]. Немаловажно заметить, что в философии Декарта, объект познания выступает пассивным элементом относительно действующего субъекта – человека. В герменевтической парадигме связь человека и текста выглядит совсем иначе. Текст, как бы выступая действующим, активным

субъектом, обращается к человеку, раскрывая себя в его понимании. Данная взаимосвязь человека и текста раскрывается в утверждении Эрнста Фукса, писавшего: «Прежде чем мы сможем интерпретировать текст, он сам должен интерпретировать нас» [7,с.227].

Все философы и представители герменевтического подхода важнейшую точку зрения, предложенную Дильтеем и Шлейерахером, которая впоследствии была развита в библеистике Фукса и Бультмана и была окончательно раскрыта такими учеными, как Гадамер и Рикер. Суть этой концепции заключается в том, что толкователю не присуща бесстрастность, которая лежит в основе эмпириков и естествоиспытателей. Понимание, как основа герменевтической парадигмы, с необходимостью, требует вовлеченности и активного личного участия.

Роберт Франк, основывая свою позицию на работах Фукса, раскрывает динамику данного эпистемологического потока понимание на примере притчи о Блудном сыне (Лк. 15, 11-32). Данная притча повествует о том, как младший сын, ища самостоятельности и независимости, покидает свой дом и проходит через испытания нищеты, отчуждения и отчаяния. В конечном итоге он приходит к раскаянию и возвращается обратно, готовый стать наемным рабочим. Из притчи мы видим, как радостно встречает его отец, возвращая блудному сыну прежний статус, не смотря на то, что свою часть имущества он растратил. Но притча нам повествует и о реакции старшего сына, который возмутился решением отца. Отношение отца к нему и к младшему брату кажется ему несправедливым. В своей работе Франк делает важный вывод, подтверждающий наличие активности у текста: «Он отказывается признать себя грешником, полагая, что собственная праведность заменит ему Божью благодать. Слово и дело благодати делит читателей на младших и старших сыновей — на грешников и фарисеев. Именно это имеет в виду Эрнст Фукс, утверждая, что не мы толкуем притчи, – притчи толкуют нас» [8,с.16].

Вторым явным отличием философии и герменевтической науки заключается в решении философских проблем. Энтони Тисельтон, опираясь на свой педагогический опыт, излагает данное различие на примере преподавательской практики. Читая лекции о Боге, добре и зле, а так же свободе, он заметил, что студенты-философы и студенты-богословы по-разному реагируют на излагаемый им курс. Философов интересовали самодостаточные идеи и доводы, которые были оторваны от реальной жизни. Богословы же интересовались мотивами и обстоятельствами, при которых появился тот или иной вывод или идея.

Основные различия между перманентным поиском ответов на ежедневные вопросы и абстрактными проблемами, Гадамер считает главным рубежом философии. «Вопросно-ответная логика, разработанная Коллингвудом, положила конец разговорам о вечных проблемах... Проблема как таковая — всего лишь пустая абстракция... За пределами истории не существует точки, с которой можно было бы разглядеть проблему как таковую»[9,с.375]. Гадамер продолжает: «Понятие проблемы, очевидно, носит отвлеченный характер, отделяя содержание вопроса от того самого вопроса, который впервые поднимает ее... Такого рода “проблемы” выпали из контекста, который породил поиск ответов на вопросы» [9,с.376]. Проблему не следует рассматривать как неизменное, раз и навсегда определенное явление, подобное «звездам в небе» [9,с.377] Гадамер приходит к следующему выводу: «В процессе размышлений о герменевтическом опыте проблемы превращаются снова в вопросы, истоки которых кроются в мотивации» [9,с.377].

Третьим, немаловажным различием является методологические подходы. Декарт предлагает такой философский метод, где отправной точкой является сомнение, которое противопоставляется врожденному пониманию. Исходя из точки зрения Декарта, можно сказать, что индивидуальное понимание предпочтительнее пониманию группы. Далее из данной методологии можно сделать вывод, что над объектом понимания

стоит человеческий субъект. Эту точку зрения радикально критикуют все сторонники герменевтической парадигмы.

Известное высказывание Декарта «*cogito ergo sum*» («Я мыслю, значит, я существую») основывается на том, что скептицизм в остальных методах познания, исключая собственные мыслительные процессы, необходимо считать начальной точкой в философии. Известный представитель герменевтической науки, Бернхард Лонерган, отзывается об этом утверждении, называя его «принципом пустой головы». Он считает Декартовскую концепцию крайне бессмысленной в процессе толкования.

«Принцип пустой головы»... велит толкователю забыть о своих собственных взглядах, изучить все имеющиеся теории и позволить автору самому трактовать свое произведение. Но что нас окружает? Всего лишь набор знаков. Все, выходящее за рамки повторения одних и тех же символов в прежнем порядке, будет зависеть от опыта, познаний и суждений самого толкователя. Если опыт невелик, познания слабы, а суждения не сформировались окончательно, вероятнее всего, толкователь попытается навязать автору мнение, которое он и не думал высказывать» [10,с.157].

Представители герменевтического подхода в качестве лучшей точки отсчета считают не сомнение, предложенное Декартом, а предпонимание. Оно понимается, как временную и первоочередную ступень на пути к более основательному и глубинному пониманию. Нужно заметить, что не вся философия является сугубо рационалистической, однако Декарт повлиял на последующие философские системы. Юм и остальные эмпирики, считают, что этой позиции имеет место быть. Многие философы после эпохи Просвещения изменили свою точку зрения. К ним относятся экзистенциалисты и постмодернисты со всеми плюсами и минусами их философских систем.

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПАРАДИГМЫ ТРАДИЦИОННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

2.1. Библейская интерпретация и герменевтика во II в. н.э.

Первым конфликтом в рамках библейской герменевтики была борьба с ересью Маркиона. Интересен тот факт, что спор возник вокруг Ветхого Завета. Многие философы и богословы принимали участие в этом конфликте, в их числе был и Ириней.

Маркион, попавший под влияние гностического учения утверждал, что Новый Завет был написан благодатью иудейского Бога, а не Христианского. Так же, он был ярким противником аллегорического толкования, предпочитая буквальный смысл текста. В конечном итоге Маркион отформатировал Новый Завет, оставив лишь полностью деформированное Евангелие от Луки.

Ириней, отстаивавший ортодоксальную христианскую позицию, так пишет об учении Маркиона: «Бог закона и пророков не был Отцом Господа нашего Иисуса Христа» [11,с.1.18]. Маркион утверждал, что Отец Иисуса, «превыше Бога, сотворившего мир... Так, же он изменил Евангелие от Луки, удалив из него все, что касалось рождения нашего Господа» [11,с.1.18]. Тертуллиан пишет: «Понтийский еретик проповедует двух богов» [11,с.1.20]. Сам же Тертуллиан отстаивает существование единого «истинного Бога» [11,с.1.3]. Кто сказал, что откровение начинается с Павла? Иисус сам открывает нам Творца, а его пришествие «предсказывали пророки» [11,с.1.19]. Многие ветхозаветные законы не утратили своей актуальности, в том числе и заповедь соблюдать Субботу. В Ветхом Завете Бог дал своему народу важные обетования, а верно служивший ему Моисей был прообразом Христа.

Говоря о гностическом учении в целом, можно сказать, что они активно использовали язык Нового Завета. Именно во втором веке это учение

зародилось и неуклонно пыталось синтезировать свое миропонимание с новозаветной философией. Главными сведениями об их существовании остаются труды Отцов церкви. Одной из значимых и известных гностических сект является валентианство. Ириней делал особый акцент на, лишенное логической связи, использование Ветхого Завета. Он осуждал методы изучения гностиков, а именно их фрагментарность и пренебрежительность. Ириней пишет: «Они оскверняют Писание, пытаясь найти в нем доказательства собственной правоты» [11,с.1.18]. В известном отрывке он утверждает: «Они пренебрегают порядком и стройностью изложения писаний... как если бы кто, взяв прекрасный портрет царя... изготовленный из драгоценных камней, разобрал его по частям и составил из камней изображение лисицы или собаки... а затем заявил, что это и есть портрет царя» [12,с.1,18].

Одним из самых выдающихся апологетов второго века считается Иустин Мученик. Он призывал обратиться к вселенскому логосу, открывшемуся нам в Иисусе. Признавая, что одного закона мало для спасения, Иустин отводит ветхозаветному тексту важную роль. В связи с распространяющимися во втором веке гностическими ересями, он призывает обращаться христиан к логосу, который живет в каждом человеке и достижимого своей полноты лишь во Христе.

Иустин полагал, что божественное откровение выражает себя в двух направлениях — в тексте и в Христе-Логосе, поэтому священное писание он считает богодухновенным. Часто, ссылаясь на текст Ветхого Завета, он находит множество пророческих прообразов Христа. Ветхий Завет «предсказывает», «возвещает» и даже «пророчествует». Иустин часто использует слово *simaino*, «означать» (тридцать пять раз, по подсчетам Шотвела) или *simeion*, «знак» — около двадцати восьми раз. В «Диалоге» 96, 4 понятия «тип» и «знак» вместе обозначают правило, установленное Моисеем. По свидетельству Шотвела, слово «тип» встречается у Иустина

восемнадцать раз, в том числе применительно к вознесению Моисеем медного змея в пустыне[13,с.18-19].

До сих пор нет точного мнения о том, использовал ли Иустин аллегорию или типологию, но к буквальному толкованию он прибегал не часто. В общем, библейский текст служит контекстом для его размышлений.

Говоря об апологетике второго века, стоит осветить такие имена, как Аристид, главные труды которого посвящены другим философам. Татиан, являющийся учеником Иустина Мученика. Учитывая, что основные работы Тертуллиана были им созданы в третьем веке, то остается упомянуть об Клименте Александрийском. Климент, на мой взгляд, использовал псевдогностическую традицию толкования. Он писал, что истина не лежит на поверхности, а выражается лишь «загадками и символами, аллегориями, метафорами и прочими образами» [14].

«В том, что касается аллегории, в Клименте Александрийском мы встречаем не просто представителя александрийской школы, но и откровенного последователя Филона» [5,с.117]. Писания полны скрытого смысла. Сарра для него олицетворяет истинную мудрость, а Агарь – мудрость мирскую [16]. Древо жизни в Эдемском саду воплощает «божественную мысль». Толкование Климентом Писания представляло собой полную противоположность взглядам Иустина и тем более Иринея. Он подготовил почву для своего преемника Оригена. Но его подход отличался от того, который использовали большинство авторов Нового Завета. Итак, мы наблюдаем широкое разнообразие методов христианской интерпретации и позиций, которые занимали разные христианские толкователи по некоторым главным вопросам.

2.2. Александрийская и Антиохийская школа

Александрийская школа

Ориген стал следующим главой александрийской школы по катехизации, будучи в возрасте семнадцати лет. Он известен, как философ и богослов, подвижник и апологет, оставивший богатые труды. Больше половины его трудов посвящены толкованию священного писания. Ориген изучал традиционные концепции греческой философии, а также методы толкования и христианское учение в целом. Он не раз участвовал в дебатах против гностиков, но впоследствии отошел от ортодоксального христианского учения и был осужден в ереси на Вселенском соборе. Важнейший вопрос, который ставил перед собой Ориген, заключался в методах толкования Библии. Важнейшим достижением в данном вопросе является, составленная им работа «Гекзаплы». Она состояла из сравнительного анализа переводов Библии относительно ее оригинала. Он сравнивал древнегреческий текст с разными версиями Септуагинты в переводах Акилы, Феодотиона и Акилы. На создание этого труда у него ушло около тридцати лет. Ориген является составителем всех комментариев на все книги Библии. Он считал, что Священное Писание важно каждым своим словом, ибо в них суть глубокий смысл и богодухновенность. Что касается герменевтического метода, то Ориген позаимствовал его у Филона Александрийского. Он понимал все исторические события в Библии буквально. Буквальный смысл сравнивал с телом. Нравственный смысл с душой, а духовный смысл – с духом. В его понимании смысл текста это лестница, где первой ступенью является буквальный смысл, а далее – соответственно душевный и духовный.

Нельзя не заметить влияние известного философа Платона на библейскую герменевтику Оригена. Ориген отмечает важную роль Логоса в своем комментарии к евангелию от Иоанна. Логос – это и есть мир Духа (ho cosmos noetos) [17]. Логос-Христос является воплощением истины и

мудрости. Сын Божий неизменный и вечный, как мир идей, противопоставляемый Платоном физическим явлениям. Так же Ориген учил субординационизму, а именно проповедовал иерархию, где Сын подчиняется Отцу, а Дух – Сыну. Однако отмечал, что не было такого «времени, когда бы Сын не существовал» [18].

Сущность герменевтического подхода Оригена, как представителя александрийской школы, заключается в том, что в отличие от представителей антиохейской школы ему было важно мнение и понимание читателя. Ориген ставил на первое место влияние Писания на человека и личная интерпретация, в то время как антиохийцы интересовались целью и замыслом библейского автора.

Один из богословов двадцатого века, Анри де Любак отмечает, что Оригеновское разделение на «дух, душа, тело» оказало огромное влияние на христианскую экзегетику. Так же, Любак приписывает Оригену такие слова: «Повсюду в Писании прослеживается разница между душой и духом» [19].

Одним из известных представителей александрийской школы был апологет и богослов Афанасий. Афанасий сыграл решающую роль в борьбе с арианской ересью, отстаивая ортодоксальную халкидонскую христологию. Он неизменно настаивал на включении в Символ веры слов «единосущен Отцу» (homoousion) и сделал все возможное для последующего проведения Константинопольского собора (385 г.) и принятия Никейского символа веры. Однако он был известен скорее как богослов — систематик и апологет, чем как составитель библейских комментариев [3, с. 117].

Использование Писания Афанасием была в богословских и апологетических целях. Однако он подчеркивал, что нельзя вырывать слова Писания из контекста, и каждый стих есть лишь часть целого. Каждый отрывок надлежит толковать согласно правилу веры (regula fidei) [3, с. 120]. Афанасий выделил «Мудрость» в бытии, как нечто существующее до вселенной, ссылаясь на (притч.3.19) «Господь премудростью основал землю». Далее, Афанасий утверждает, что если Мудрость наша – Христос, то

это доказывает существование Сына до начала мира. Этим аргументом он опровергал арианскую ересь.

В завершение освещения александрийской школы необходимо упомянуть о Кирилле Александрийском, известного Никейской христологией. Он придерживался герменевтического метода александрийской школы, который заключался в поиске высшего смысла, выходящего за рамки буквальной интерпретации и понимания. Противоречия с антиохийской церковью Кирилла не ограничивались лишь методом экзегезы. Так же он критиковал Несторианскую христософию, которая впоследствии была осуждена на Эфесском соборе.

Антиохийская школа

Основателем и первым представителем антиохийской школы библейской герменевтики стал Диодор Тарсийский. Диодор писал: мы, предпочитаем «историческую трактовку текста, а не аллегорическую» [20, с. 12].

Однако нельзя сказать, что представители антиохийской школы были крайними буквалистами, не принимающие образность и метафоричность текста. Диодор писал: «Мы не запрещаем возвышенное толкование *theoria* (аллегория), ведь историческое повествование ее не исключает... И все же нам следует быть внимательными, чтобы не позволить *theoria* (аллегории) уничтожить историческое основание, иначе результатом будет не *theoria*, а аллегория» [21]. Диодор усматривал тонкую грань между историческим и аллегорическим толкованием. Однако до нас дошли лишь маленькие части его работ, а сам Теодор был осужден, как соучастник Феодора, представителя несторианской ереси.

Ученик, Диодора, Феодор Мопсуэстийский, так же был известным представителем антиохийской школы. Он составил практически ко всем книгам Библии, но из-за, до сих пор, необоснованного осуждения на Эфесском соборе, до нас дошли лишь фрагменты его работ. Феодор был предтечей

исследований авторства современной исторической критики. Как и современные исследователи, Феодор опровергал достоверность авторства многих псалмов. Однако, с другой стороны, он соглашался с позицией своих соотечественников по поводу богодухновенности священного писания. «Захаропулос находит прямую связь между его уверенностью в богодухновенности Писания и его экзегетическими методами. Он пишет: «Главный экзегетический принцип Феодора гласил, что поскольку Писание богодухновенно, оно не может содержать в себе ничего противного Богу или бесполезного для человека» [3, с. 123]. Из этого можно сделать вывод о его не полном отрицании метафоричности и аллегоричности Филона и Оригена.

Феодор считается самым образованным представителем антиохийской школы.

Немаловажный вклад в развитие антиохийской экзегетики внес важный представитель Иоанн Златоуст. Постоянная проповедь по Евангелию дала Иоанну звание величайшего экзегета в христианском мире. Иоанн Златоуст твердо стоял против аллегорического толкования. Он опирался на Септуагинту и официально утвержденные переводы ветхозаветного текста.

Комментарии, которые написала Иоанн Златоуст являются эталоном мудрой и краткой экзегезы. Он писал: «Авторы священных книг обращались к самым насущным вопросам своего времени... Главная цель автора — объявить во всеуслышание, что Христос воскрес из мертвых... что он был послан к Богу и пришел от Бога» [22]. По этому отрывку можно сказать, что центрально место в Священном Писании занимает автор текста, оставляющих возможность вариативности для практического применения. Так же, нельзя не заметить компромиссное отношение Иоанна к александрийской школы. Он оставался, по своим взглядам, идеологически близок к антиохийцам, разделяя многие взгляды александрийцев.

2.3. Библейская средневековая герменевтика

Герменевтическая парадигма средневековья отражена в эсхатологических и богословских работах самых ярких девяти представителей того времени. Для освещения данного раздела моей работы я кратко представлю этих богословов и их вклад в развитие герменевтической науки.

1. Достопочтенный Беда (673-736). Был монахом-бенедиктцем. Он написал великое множество книг, но самая известная его работа «Церковная история народа ангелов». В своих трудах, опираясь на знание патристики, использовал аллегорический метод. В приложении к «Церковной истории» он пишет: «Всю свою жизнь я провел в этом монастыре, изучая Писание». Он составил комментарии к Быт. 1 — 20, Исх. 24, 12 — 30, 21, Книгам Царств, Песне Песней, книгам Ездры, Неемии, Товита, Евангелиям от Марка и Луки, Деяниям, к Кафолическим Посланиям и Книге Откровения. В комментарии к Евангелию от Луки он цитирует Иеронима, а при толковании книг Ветхого Завета заимствует методы Филона и Оригена. Беда часто опирается на тексты отцов Церкви с целью приобщить английскую церковь к римским традициям.

2. Алкуин Йорский (ок. 735-804 гг.) был известен, как учитель и преподаватель. Он обрабатывал труды Отцов Церкви, предлагая своим ученикам краткие изложение трудов. Немаловажен его вклад в систематизацию и корректировки Библии с целью приведения к единой форме.

3. Бернард Клервоский (1090-1153) следовал александрийской герменевтической традиции, составив «Проповедь о Песне Песней». Безусловность любви к Богу у Бернарда главная тема в изучении Евангелия. Он был сильно подвержен влиянию Оригена, особенно это выражается в комментариях к Книге Плач Иеремии.

4. Гуго Сен-Викторский (1096-1141) был филологом, историком и богословом. Гуго в характерной для него манере пишет: «Писание следует толковать с точки зрения истории, аллегии и тропологии. Эти три аспекта... существуют отдельно друг от друга, и каждый из них зажигает в душе человека любовь к Богу и ближнему». В своей работе «О Писании» Гуго говорит о том, что Божие Слово находится во внешней оболочке, которое на первый взгляд для читателя кажется незначимым, но на практике требует тщательно изучения и внимания.

5. Епископ Парижа Петр Ломбадский (ок. 1100-1161 гг.). Он составил свои комментарии на послания апостола Павла, а так же к Псалтыре. Петр усматривал очевидные разногласия и противоречия в псалмах, поэтому каждый текст рассматривал отдельно, как единое целое. Его не интересовала духовная составляющая текста. Этический и доктринальный характер пронизывает все его работы. Из всех богословов и философов Средневековья, Петр высказывал наибольший интерес к историзму и буквальному характеру посланий Павла. «Петра Ломбардского критикуют за то, что он отверг созерцательный подход к Библии в пользу научного, «технического» подхода. Но именно в этом и заключалась его главная заслуга. В городах монастыри постепенно уступали место университетам, как это произошло в конце двенадцатого века в Париже и Оксфорде. «Сентенции» Петра Ломбардского имели большое влияние на читателей. В них он поднимает вопросы о знаках и обозначениях в герменевтике. Особое влияние на развитие его идей оказали Гуго Сен-Викторский и Петр Абеляр.

6. Стивен Ленгтон (ок. 1150-1228 гг.) архиепископ Кентерберийский. Он оказал влияние на преподавание библеистики в Оксфорде и Кембридже. Взяв пример со своих предшественников Стивен дифференцировал методы толкования Писания на: нравственный, аллегорический, буквальный и аналогический.

7. Бонавентура (ок. 1217-1284 гг.) сначала принял монашество, а затем поступил на богословский факультет. В экзегетической методике

Бонавентуры сильнее всего ощущается влияние Гуго Сен-Викторского и Петра Ломбардского. Его герменевтика носит ярко выраженный богословский характер, причем особый акцент делается на Троице и Святом Духе. При этом он отмечал особое предназначение закона, истории, литературы мудрости и пророческих книг. Река, вбирающая в себя множество разных потоков – как представлял он себе Писание. Подобно лестнице, писал Бонавентура, Писание помогает подняться к высотам, и подобно зеркалу – отразить христианское учение. По поводу герменевтической парадигмы и методов толкования, Бонавентура считал, что как Бог един в трех лицах, так и Писание может трактоваться по-разному.

8. Фома Аквинский (1225-1284 гг.) является самым влиятельным богословом Средневековья. Для католической церкви труды Аквинского имеют непогрешимый характер и незыблемый авторитет. Фому считают первым, кто смог применить научные методы при изучении библейского текста. Так же, Аквинский прибегал к античным принципам и методам познания, в частности ему импонировал Аристотель и его четырехуровневая причинная связь. В основе его идеи пресуществления лежит аристотелевское различие между материей и «акциденциями» (тем, что можно постичь посредством чувственного восприятия) [23, с.53]. Говоря о Библии, можно сказать, что понятие конечной причины отражает божественный замысел, тогда как действующую причину можно уподобить средствам, которые используют авторы, написавшие ее.

Самыми известными работами Аквинского являются «Сумма против язычников» и «Сумма теологии». Однако четверть всех его работ составляют герменевтические тексты и комментарии к Писанию. Фома часто прибегает к цитированию Отцов Церкви, а именно Иоанну Златоусту. Фома Аквинский внес огромный вклад не только в экзегетику и герменевтику, но и в христианское богословие в целом. Хотя Трентский собор официально одобрил учение Фомы Аквинского, положения документа Библейской комиссии, озаглавленного «Интерпретация Библии в Церкви» (1994), во

многим соответствуют протестантским принципам библейской интерпретации.

9. Николай Лирский (ок. 1270-1349 гг.) Николай уделял большое внимание буквальному смыслу библейского текста. Его комментарии показывают прекрасное знание патристической и средневековой литературы. Кроме того, он обладал уникальными познаниями в древнееврейском языке и экзегезе раввинистического периода. Его *postilia moralis* продолжают традицию исследования духовного смысла, но во всем, что касается вопросов богословия и учения, он отдавал предпочтение буквальному, или историческому, смыслу. Учитывая познания Николая в экзегезе иудеев, он привнес метод интерпретации в современное христианское богословие. Думаю, стоит закончить наш экскурс по средневековой герменевтике, останавливаясь этим выдающимся богословом, отличающимся своими зрелыми рассуждениями. Анри де Любак приписывает Николаю Лирскому псевдосхоластический афоризм, гласящий: «Буква повествует о событиях; аллегория учит, во что надлежит верить; нравственность указывает, как поступать; а аналогия обращает наш взор к вышней цели» [24].

2.4. Эпоха Просвещения и Реформации

Обозначая главные направления развития герменевтики, мы подошли к важнейшему периоду для этой науки. В эпоху Реформации и Просвещения ставятся главные вопросы перед философами и богословами, определившие сущность герменевтической парадигмы в частности и философии в целом. Многие богословы, такие как Джон Уиклиф и Николай Лирский не соглашаясь с концепциями и методами Оригена, все же признавали аллегорический метод толкования. Новые вопросы возникают в эпоху Просвещения, ответы на которые не находятся до сих пор. Большинство ученых и философов того времени утверждали, что богословие, как наука не может дать исчерпывающие ответы на вопросы герменевтической науки.

Новые вопросы истории и личности библейского автора, оказалось, невозможно решить посредством веры. Диаметральной точкой зрения был призыв Иоганна Зимлера, представителя критики библейского текста, о разграничении богословия и экзегезы. Такой подход спровоцировал подрыв авторитетности Писания, как богодохновенного текста. Многие мыслители эпохи Просвещения стали относить библейский текст к художественной, светской литературе, лишенной общности с Богом.

Френсисом Уотсоном был упразднено утверждение, что исследование как таковое может быть лишено оценочного суждения. В дальнейшем, Шлейермахер говорил, что герменевтика не является вспомогательным ресурсом для исследования, существующим лишь для подтверждения уже существующих идей богословия и философии. Герменевтика основывается на честности, исключая автономию Канта. Для более глубокого понимания критических оснований постмодернистской герменевтики нам необходимо рассмотреть важнейший исторический период – эпоху Просвещения и Реформации.

Первые представители Реформации о которых следует упомянуть в данной работе это Джон Уиклиф, Мартин Лютер и Меланхтон.

Джон Уиклиф (1328-1384) был священником доктором богословия. В основание всей свое реформаторской деятельности полагал Священное Писание, которое считал самым главным авторитетом в исследованиях и, вообще, в жизни человека. Именно Писание может служить единственным критерием правды, а в частности для решения богословских и церковных проблем. Наверное, начало Просвещения для истории философии привычно начинать с Лютера, однако, именно Уиклиф в своем позднем исследовании и трудах упразднял значение папства и выступал категорическим противником учения о пресуществлении. Джон полагал, что его позиция согласуется с раннехристианскими взглядами, а именно с Августином, Ансельмом и Амвросием. Что касается герменевтического подхода, то Уиклиф призывал в интерпретациях руководствоваться богодухновенностью библейского текста.

К изучению Писания необходимо подходить с чистым сердцем, полагаясь на нравственные принципы. Уиклиф к этим требованиям добавлял знание философии.

Наверное, самым узнаваемым и значимым представителем данной эпохи является Мартин Лютер (1483-1546). Первое открытие Лютера можно обозначить его же словами: «Праведный верою жив будет. Эти слова помогли мне понять, что праведность Божья и есть тот самый дар, которым мы оправданы перед Богом... Я немедленно почувствовал себя обновленным, как если бы передо мною распахнулись райские врата» [25, с. 6]. Впервые в истории христианства вера стала пониматься, как дело Божие. Сам Лютер пишет так: «Вера... это скорее заслуга Бога, чем наша» [26, с. 25]. В ходе Гейдельбергского диспута (1518 г.) Лютер продолжает: «Звания богослова заслуживает тот, кто постигает видимые проявления... Бога сквозь призму страданий и креста... Богословие славы называет зло добром, а добро злом. Богословие креста называет их истинными именами» [27, с. 290]. Северная часть Европы приняла такое понимание Лютера, в то время как Римско-Католическая церковь оставила виттенбергское учение без внимания. Самая известная работа Лютера это «Девяносто пять тезисов». Он часто диспутировал с представителями католической церковью, богословами и кардиналами, отмечая полное отсутствие знания и понимания библейского текста. Лютер совершенно отвергал аллегорический способ толкования Писания, а главной его заслугой был перевод библейского текста на понятный немецкий язык. Мартин Лютер осуждал католическую церковь в том, что она заменила Новый Завет на толкования Отцов Церкви и работы Фомы Аквинского, однако, не отрицал важность комментариев, которые, как и его предшественники, писал сам.

Другом и соратником Лютера был Филипп Меланхтон (1497-1560) известный преподаватель и составитель учебника по греческому языку. Меланхтон известен в первую очередь, как составитель «Аугсбургского исповедания веры», являющейся первым протестантским вероисповеданием

и на сегодняшний день, являющийся ортодоксальным учением Лютеранства. В отличие от Лютера, основными трудами которого были комментарии к Писанию, Меланхтон посвятил себя систематизации протестантского богословия и его формированию.

Следующими Реформаторами, продолжившие идеи первых протестантов были Уильям Тиндеил и Жан Кальвин.

В своих работах Уильям Тиндеил (1497-1536 гг.) развивает учение Лютера. Он оказал огромное влияние на лингвистику и герменевтику, указывая на перформативную функцию многих библейских текстов, которую сегодня называют речевым актом. Он писал, что Библия несет в себе «Божьи обетования»; «она наполняет сердце человека радостью» и «называет нас наследниками» [28]. В своей работе Тиндеил говорит о восемнадцати перформативных функциях, присущих Писанию, а именно название, назначение, обещание, предложение, осуждение, убийство, дарование жизни и др. Именно Уильяму приписывают такие известные слова, как «Если Богу угодно будет сохранить мне жизнь, я сделаю так, что крестьянин, идущий за плугом, будет знать Писание лучше вас» [29].

Важным представителем Реформации является Жан Кальвин (1509-1564 гг.). Будучи ревностным исповедником Реформаторского движения, был гоним католической церковью. Кальвин, несмотря на желание уединенного изучения библейского текста, согласился возглавить христианскую церковь, отказавшуюся от папского диктата и католичества. По значимости и содержанию некоторые его работы сравнимы с Аквинской работой «Суммы теологии» и трудами Барта и Шлейермахера по церковной догматике. Кальвин написал комментарии почти ко всему библейскому тексту, но на этом не остановился. Он претендовал на создание собственной богословской парадигмы. В рамках современного богословия и герменевтики можно считать Кальвина первым, именно современным библейским комментатором. До сих пор экзегетические труды Кальвина являются актуальными и важными в рамках христианского богословия и в частности

герменевтической науки. Что касается аллегорического толкования, то Кальвин выступал против данного метода. Однако, Т.Х.Л. Паркер настойчиво утверждал, что нападки Кальвина на аллегорию «направлены не против самого *sensus allegoricus* (аллегорического смысла), а против злоупотребления аллгорией в ее общем значении распространенной метафоры» [30, с. 70]. Комментируя Дан. 10, 5-6, Кальвин отмечал: «Я знаю, что аллегории весьма убедительны; но когда мы с благоговением исследуем учение Святого Духа, все эти догадки и домыслы исчезают сами собой» [31, с. 71]. Так же, Кальвин, считал, что апология имеет место быть. Комментируя слова из Евангелия от Луки: «Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12:50), Кальвин призывал к мысли о вечном и благоговейном состоянии покоя. Именно, в надежде, по его мнению, мы находим возможность облегчить и претерпеть земные тяготы и страдания. Надежда заставляет нас верить в то, что мы не видим. . Греческое слово *eidos* во 2 Кор. 5, 7 он переводил как «видение» в предложении «мы ходим верою, а не видением». «Мы уповаем на то, чего пока не видим, как сказано в Рим. 8, 24». Комментарии Кальвина стали переходным этапом на пути к современности.

Последствием Реформации стал период появления и процветания ортодоксии протестантизма. В эпоху Просвещения ощущается влияние светской мысли на богословие. Во второй половине восемнадцатого века зарождается первая библейская критика.

Термин «Просвещение» вошел в употребление как перевод немецкого слова *Aufklärung* и означает большую часть направлений научной мысли восемнадцатого века, становление которых началось еще в семнадцатом веке. Иммануил Кант (1724-1804) характеризовал человека этой эпохи, как освободившегося, независимого и зрелого, способного мыслить самостоятельно и самому принимать решения. Мир достиг совершеннолетия, говорил Кант задолго до Бонхеффера. Мы знаем множество имен, связанных с Просвещением, среди них Томас Гоббс, Дэвид Юм, Исаак Ньютон, Рене

Декарт и Бенедикт Спиноза. Однако, мы используем аналитический труд менее известного нам историка и философа Хеннинга Ревентлоу, написавшего «Авторитет библии и рождение современного мира». В своем труде Ревентлоу начинает с Реформации и заканчивает зарождением библейской критики. Начинает он с первых деистов, а именно с Герберта Чербери. Чербери был послом при дворе короля Людовика XIII. В своих работах он отстаивал идею «естественной религии, единой для всех людей» [32] в противоположность христианскому Богу. Он считал, что все люди по природе своей обладают способностью к разумному познанию и суждению, посему у них нет необходимости полагаться на ту или иную веру. После Чербери автор переходит к Томасу Гоббсу, который считает, что этика может обходиться без Бога. Далее, Ревентлоу обращается к деистам, отдавая особую роль Джону Толанду, который вслед за Декартом писал: «Разум — единственная основа всякой истинной веры... Никакое откровение... нельзя считать исключением из этого правила» [32, с.297]. От деистов Ревентлоу переходит к следующему этапу Просвещения, начинающегося с позднего Юма и Вольтера. Влияние, рассматриваемой нами эпохи, на библейскую герменевтику и библеистику особенно заметно в работах Иоганна Землера и Иммануила Канта. Три «критики», написанные Кантом имели особое значение для христианского богословия. Кант дал удачное определение Просвещению в 1784 г. Это освободительный «исход, избавление от незрелости, в которой повинны мы сами, от неспособности мыслить и рассуждать без чужой помощи». Свобода, независимость и самодостаточность – главные черты человека эпохи Просвещения. Многие, хотя и не все, стали считать свободу и объективность ключом к изучению библеистики. Не так давно Марк Бовальд указал, что в связи с этим ученые перестали называть Бога автором Писания.

Эпоха Просвещения не смогла поглотить христианскую доктрину, однако, привела ее к значительной деформации. Следующими, кто оказал

значительное влияние на библейскую герменевтику стали Гегель и Шлейермахер

2.5. Библейская герменевтика Шлейермахера и Гадамера.

Фридрих Шлейермахер по праву считается основоположником современной герменевтики. Так же, ему приписывают «отцовство» богословия протестантизма. В трудах Шлейермахера герменевтика становится не просто методом изучения текста, а искусством и наукой. Впервые им был сформулирован «универсальный герменевтический метод». Предметом такого метода является, помимо библейского текста, вся сфера творчества. Шлейермахер обозначает задачи, поставленные перед герменевтикой, которые заключаются в проникновении в текст, и чувствовании автора посредством интуиции. В современной герменевтической парадигме читатель не только занимается поиском смысла, но и должен фиксировать влияние автора на себя. Влияние текста заключается в том, как изменится наше сознание и жизнь после прочтения. Так же, Шлейермахер проводит черту между сутью и смыслом текста, определяя понимание текста, как становление себя на авторское место. Он видит герменевтику, как искусство реконструкции. В историческом контексте реконструкция есть нечто обратное относительно созданию текста. Шлейермахер предлагает технику толкования в рамках герменевтической парадигмы, где толкователь выступает в роли человека, обладающего знанием герменевтического искусства и реконструирующий текст на новом уровне. «Герменевтику должно мыслить только в связи с искусством, т. е. философски» [49, с.42] Шлейермахер предлагает два герменевтических подхода: Психологический и грамматический. Психологический подход заключается в необходимости понимания хода мыслей, отодвигая на второй план жанр, стиль и лексику автора. Грамматический подход противоположен психологическому и предполагает такой способ интерпретация, в которой

форма текста является первостепенной относительно самого текста. «человек есть место, в котором данный язык принимает самобытную форму» [49, с.42]. Выделение вышеизложенных двух подходов ставит перед читателем задачу, заключающуюся в изначальном понимании речи наравне с автором, а затем превосходение его. Подсознание как область не подвластная рефлексии, но вместе с тем определяющая сознательный уровень выражения и есть та область, на которую претендует герменевтика.

Мартин Хайдеггер предлагает свою концепцию феноменологической герменевтики. Хайдеггер полагает, что бытийствование в мире соответствует присутствию человека в мире. Переход от фактического существования в подлинное бытие возможно посредством трансцендирования. Но именно понимание конституирует подлинное бытие. Хайдеггер добавляет пониманию онтологичность, делая его одним из способов бытия. Следовательно, герменевтику Хайдеггер определяет, как один из способов самопознания. Далее, на онтологичекий герменевтический подход Хайдеггера оказывает существенное влияние Гуссерль, после чего Хайдеггер предлагает новый герменевтический метод. В отличие от Гуссерля, полагающего, что мы можно представить в сознании, Хайдеггер выходит за пределы сознания. Так же Хайдеггер не разделяет и не противопоставляет два мыслительных акта: рефлексию и редукцию, как это делал Гуссерль, но делает редукцию «внутренним структурным моментом самой рефлексии» [60]. Но открытие подлинного модуса бытия становится теперь возможным уже не феноменологически, но герменевтически – благодаря «герменевтическому усилию истолкования собственной фактичности с целью выявления в ней сущностных структур собственного бытия».

Герменевтика Гадамера является онтологической герменевтикой. Гадамер, как и Хайдеггер в основу своего герменевтического метода полагает аутентичные онтологические основания. Гадамеровская герменевтика понимает текст в рамках исторических процессов. Гадамер заявляет об историчности истины, прилагая ее к целостному событию в

вечности. Таким образом, истина не суть результат операций логики, но событие духа. Герменевтика есть способ толкования синтеза жизненных событий и человеческого опыта.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА

3.1 Либеральная и консервативная парадигмы Запада

В рамках современной западной библейской герменевтики мы выделяем две основные парадигмы, диаметральных по своей сущности. Либеральная и консервативная парадигмы появились в современном протестантском мире в процессе отделения философского подхода от богословия. Консервативная парадигма отстаивает фундаментальные принципы библейской интерпретации и остается влиятельной в церкви. Консервативный подход лежит в основе миссионерской работе. Проповедь, школы катехизации, богословско-просветительские беседы полагают в основу консервативный метод толкования. Либеральная парадигма актуальна в научном, академическом пространстве. Взаимоотношение двух этих парадигма оставляет желать лучшего. Либералы считают несущественными труды консерваторов, поскольку вряд ли такие работы могут претендовать на научность. Консерваторы, в свою очередь обвиняют либералов и в подрыве нравственных аспектов Писания и упразднении основ Христианства в целом.

Либеральная парадигма

Чтобы обозначить сущность этих парадигм необходимо рассмотреть их историческое возникновение и причины столь разных направлений. Эпоха позитивизма и веры в прогресс заложила основы либерального направления. Возможность создания рая на земле по средствам развитой человеческой цивилизации – главная цель либералов. Представители данной парадигмы считают религию архаичным рудиментом в современном мире. На смену ей должен появиться научный подход, обосновывающий ценность Писания, для достижения гармонии и блаженного существования на земле. В основе нравственно-социального прогресса должно стоять учение, предложенное Иисусом. Для этого необходимо посредством исторического и критического анализа согласовать личность Иисуса с проблемами современного мира.

Таким образом, как писал А. Мак-Грат, либеральная парадигма похожа на богословие в традиции Тиллиха и Шлейермареха, которое направлено на деформацию веры, чтобы соответствовать современной культурной данности. Либеральная парадигма признает авторство текста за человеком, отвергая богодухновенность Писания. Можно выделить несколько позиций либералов относительно библейской герменевтики:

1. Библейские авторы писали о собственном понимании Бога.
2. Авторы Писания, учитывая человеческий фактор, допускали ошибки.
3. Библия дописывалась после того, как был создан основной текст Писания.
4. Нужно упразднить некоторые фрагменты библейского текста, не вписывающиеся в рамки современного мира.
5. Основываясь на историческом анализе текста Библии, можно сделать вывод о заимствовании некоторых фрагментов у соседних языческих стран.
6. Формирование текста Писания было непосредственно связано с влиянием существующих политических и культурных интересов. Не вошедшие книги Писания, представляющие ценность, были уничтожены и запрещены.
7. Современные переводы предпочтительнее традиционных, поскольку авторы традиционных не располагали необходимыми лингвистическими знаниями, однако современные также несовершенные в силу предвзятости авторов.
8. Чудеса, описываемые в Библии, противоречат научным исследованиям, поэтому носят чисто мифологический характер.

В либеральной парадигме на мифологические элементы библейского текста есть две точки зрения. Первая точка зрения предлагает игнорирование мифологических элементов. Необходимо рассмотреть такие фрагменты текста в рамках господствующей научной концепции, что даст возможность объяснить «чудесные» события научным методом. Вторая точка зрения

включает в себя экзистенциальную герменевтики и герменевтику символизма. Последняя предлагает понимание мифологических элементов, как выражение трансцендентного опыта, которого невозможно понять и выразить другим способом. Представителем такого подхода был Пауль Тиллих. Экзистенциальный подход предлагает понимание мифа, как личное переживание. Демифологизируя библейскую герменевтику, Бультман предложил такой способ интерпретации мифа, который бы не объективировал трансцендентное. Для этого нужно предпонимание, в основе которого лежит экзистенциальный опыт.

Консервативная парадигма

В основе консервативного подхода лежат фундаментальные, традиционные принципы библейской герменевтики, которые мы рассмотрели во второй главе данной работы. Однако появление консервативного подхода, как парадигмы является реакцией на либеральный подход. Консерваторы являются представителями разных церквей протестантской ветви христианства. Главным различием между либеральной и консервативной парадигмой является отношение к библейскому тексту. Если либералы, как мы говорили ранее, считают Библию – основой для создания идеального мира на земле, то консерваторы, как и традиционные библеисты видят в тексте Писания путеводитель души к небесным чертогам. Необходимо выделить основные позиции консервативной герменевтики:

1. Библия – богодухновенна, то есть имеет трансцендентное происхождение и является ничем иным, как Словом Бога. Обычные методы герменевтики не применимы к Писанию, поскольку этот текст единственный в своем роде.
2. Писание не может иметь никаких ошибок, поскольку сам Бог оберегал авторов, посредством благодати. Если и существуют погрешности при копировании и переписывании Писания, то их существование не несет угрозы основам христианского богословия.

3. Весь текст Библии необходимо понимать буквально, даже если это противоречит здравому смыслу.
4. Чудо, в рамках консервативного подхода, есть ничто иное, как проявление Бога на земле. Буквально понимание чуда – необходимость.
5. Синодальный перевод предпочтительнее, чем современные.

Консервативная парадигма иррациональна, но это не помешало синтезу постмодерна и фундаментализма, в рамках общего недоверия к позитивизму и рационализму.

Для лучшего понимания сущности исследуемых нами парадигм необходимо привести примеры, сформулированные А.В. Араповым в работе «Герменевтика сакрального текста». На примере преодоления красного моря евреями (Исх.14) и Рождения Иисуса и Иоанна Крестителя, А.В. Арапов дает возможность проследить герменевтический метод консервативной и либеральной парадигмы. Первый пример перехода через красное море интерпретируется консерваторами, как чудо. Моисей, обратившись молитвенно к Богу, попросил о разделении воды. Воды на самом деле были физически разделены, и евреи смогли пройти по сухому дну моря. Бог, по мнению консервативных протестантов, может вмешаться в законы природы и изменять их. Либеральные протестанты интерпретирует данное событие в рамках законов природы. Они считают, что чудо невозможно, обнаженное дно может быть следствием большой волны, сильного ветра или же вулканической активностью. Так же либеральная парадигма не исключает вымышленную природу данного фрагмента. Вторым примером в своей работе А.В. Арапов предлагает новозаветную историю рождения Иоанна Крестителя и Иисуса. В рамках консервативного подхода все события, описанные в Евангелие, соответствуют действительности. Первосвященник Захария и Елисавета, не имеющие детей были стары. Архангел Гавриил посетил священника Захарию и возвестил о зачатии Елисаветой младенца. «многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и преидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и

непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ, приготовленный» (Лука 1:16-17). Елисавета забеременела и появился младенец Иоанн. Дева Мария, будучи целомудренной, зачала Иисуса, после того, как на нее сошел Дух Святой. Либеральные протестанты рассматривают эти события Писания через призму научных концепций. Случай зачатия Иоанна является особым, учитывая «преклонные лета» его родителей. Что касается девственного зачатия матери Иисуса, то представители данного подхода сходятся во мнении о существовании человеческого отца у Иисуса. А девственность Марии есть вымысел.

3.2. Конгруэнтность постмодернизма и христианства

Поверхностно рассматривая постмодернизма можно предположить, что он не чужд христианской доктрине. Девид Харви противопоставляет постмодернизму «позитивизм, технократию и рационализм универсального модернизма» [34, с.9]. Если опираться на это высказывание, то христианство имеет схожие цели и должно импонировать постмодернизма, развенчивающего рационализм и позитивизм Просвещения. Все представители герменевтической науки готовы, я думаю, отказаться от приоритетной позиции декартовской эмпиризма и рационализма в пользу историчности.

Постмодернизм отказывается от фундаментальности и стандартизации знаний, считая, что естествознание не в силах дать исчерпывающую оценку мудрости и знаниям. Соглашаясь с Ницше и Витгенштейном, представители постмодерна считают невозможным грамматике структур, находящихся на поверхности, привести к смыслу. На первый взгляд можно усмотреть схожесть позиций Гадамера и постмодернистов в рамках герменевтического дискурса, несмотря на то, что Гадамер акцентировал свое внимание на традициях, которые чужды постмодерну. Следовательно, мы можем дать положительный ответ на

вопрос конгруэнтности христианского учения и постмодернистской философии.

С другой стороны, постмодернизм несет более широкое понятие, чем может показаться на первый взгляд. В Америке постмодернистское течение повторно открывает в философии прагматизм. Именно Ницше положил начало этому движению. Атеистический релятивизм и скептицизм стали в основании постмодернизма. Далее, свое развитие постмодернизм получил в работах таких философов, как Роланд Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар, которые отличаются своим враждебным отношением к теизму.

До сих пор нет точного определения постмодернизму. Хорошо известна формулировка Лиотара, определившего его как «недоверие к метаповествованиям» (большим универсальным повествованиям, которые нацелены на обоснование теории эволюции или марксизма). Но даже сам он признает, что это определение «до крайности упрощено» [35, с.40]. Томас Докерти справедливо отмечает, что оно отражает «скорее состояние ума, чем исторический период» [36, с.479]. Дэвид Лайон и Грэм Уорд считают, что понятия постмодернизм и постмодерн различны. Первое, по их мнению, обозначает философское, или интеллектуальное, течение, тогда как во втором акцент делается на социологические аспекты. Однако большинство писателей используют оба эти термина как взаимозаменяемые [37, с.6].

Так же необходимо осветить основные различия постмодерна и модерна. Если модерн имеет точное направление и форму, то постмодерн дисфункционален и не имеет формы. Модерн предпочитает логическую связанность со свойственной ему иерархичностью, семантической и присутствием. Постмодернизм наоборот предпочитает случайность, риторику, анархизм и отсутствие. Для постмодерна характерна неопределенность, ирония и имманентность, в то время как модерн направлен на метафизику, детерминацию и трансцендентальность. Если применить вышеперечисленные характеристики постмодерна в изучении

библейских текстов, то станет очевидным несовместимость христианского учения и постмодернизма. Энтони Тиселтон в своей работе «Интерпретация и постмодернистской личности» отдает постмодерну заслугу в разоблачении обмана грамматики поверхностных структур. «Я уже говорил, что Томас Гоббс, Фридрих Ницше, Фриц Маутнер и Людвиг Витгенштейн указывали на возможность использования грамматики поверхностных структур с целью обмана. Самый ранний из этих авторов, Томас Гоббс (1588-1679), писал в своей книге «Левиафан», что слова «Бог говорил со мной во сне» значат не более чем «Мне снилось, что со мной говорил Бог». Фридрих Ницше (1844-1900) описывает истину всего лишь как «подвижную армию метафор» или «иллюзии, о чьей иллюзорной природе мы успели забыть». Он заявляет: «Боюсь, мы не избавимся от Бога до тех пор, пока верим в грамматику».3 Фриц Маутнер (1849-1923) и Людвиг Витгенштейн (1889-1951) неоднократно напоминают (по словам последнего), что философия против обольщения нашего ума средствами языка».

Многие преподаватели разные университетов разделились на два лагеря по отношению к постмодерну. Одни являются представителями точных наук, которые считают постмодернизм очередной модой в лучшем случае, и бессмысленность и глупость – в худшем. Другие, представители гуманитарных наук говорят о необходимости постмодерна, как источника новых идей и полезных экспериментов, открывающих новые горизонты. Философы и богословы так же разделяют разные точки зрения. Одни остерегаются нового течения, другие приветствуют его идеи. Богословие нередко остается одной из немногих областей знания, живущих в согласии с обеими эпохами. Как и модернизм, оно заявляет о существовании абсолютной истины, но в то же время учит, что Иисус родился в еврейской семье в Израиле первого века нашей эры, а церковь в полной мере подвержена влиянию истории. Последнее сближает богословие с постмодернизмом. Постмодернизм несет в себе противоречия. Многие идеи постмодерна имеют большую ценность, однако наряду с ними есть идеи,

которые совершенно разрушительны для христианства. Далее, исследуя постмодернистскую герменевтику, мы заметим, важность взаимодействия этого нового течения и герменевтической парадигмы. Однако стоит заметить, что постмодерн, в виду некоторых своих положений, не может дать развития герменевтической науке. Вспомним известное высказывание: «Он прав в своих утверждениях и неправ в отрицаниях» (это высказывание часто используется в оценке интерпретации искупления). Можно предположить в качестве эксперимента, что сторонники постмодернизма зачастую правы в своих отрицаниях и неправы в своих утверждениях. Третий возможный ответ на вопрос о совместимости постмодернизма с христианской верой одновременно и положителен, и отрицателен. А если точнее, то в некотором отношении – положителен, а в некотором – отрицателен.

Далее необходимо осветить европейский и американский постмодернизм, раскрывая тему библейской постмодернистской герменевтики.

3.3. Европейский и американский постмодернизм

Европейский постмодернизм

Яркими представителями европейского постмодернизма являются Жак Деррида и Роланд Барт.

Жак Деррида в своей философии совмещал в своих работах постмодерн и деконструкцию, чем вызывал недопонимание и противоречивые оценки. Второй важной причиной недопонимания Деррида является сложность его идей и противоречия в ранних и поздних его работах. И, в-третьих, Деррида давал разные оценочные суждения относительно постмодернистского богословия. Гайатри Спивак, ученик Деррида, составивший предисловие к его труду «Грамматология» указывает на трех предшественников и вдохновителей своего учителя. Ницше, который разрушил основание знаний. Гуссерль и Хайдеггер, видевшие

несостоятельность бытия в рамках традиционной метафизики. В «Грамматологии» Деррида пишет, что его подход «определенно заключается в отмене (фр. *solicitation*) логоцентризма» (сосредоточенности на слове, или веры в существовании «постоянной», «данной раз и навсегда» [38, с.74] взаимосвязи между словами и их значениями. Деррида считал что слово, помимо закрепления и воплощения сказанного, еще и является пределом слов. Этим он объяснял несостоятельность письма сосредоточиться на слове.

Однако логоцентризм Деррида вызывает сомнение по крайней мере, по двум причинам. Первая причина выражается в том факте, что слово обладает двойным смыслом, а первый смысл, референт, не всегда является тем смыслом, о котором говорит толкователь. Переходя ко второй причине, можно сказать, что смысл никогда не бывает, изолирован от новых обстоятельств и ситуаций, поэтому возможно его применение в новых текстах или высказываниях. Деррида пользуется принципом, согласно которому «различение» и «отсрочка» определено смыслом. Метод дерреды согласуется с позицией Фуко, считающий, что всякая классификация исторически относительна, а потому представляет собой традицию, навязываемую нам теми, кто у власти [39]. Деррида говорит о том, что отсрочка, то есть отсроченный смысл имеет возможность только оставлять след, тем более текст не может быть достаточно закрыт, чтобы была возможность авторское присутствие. Из этого делаем вывод, что буквально все подлежит «стиранию».

Исходя из позиции Деррида, мы наблюдаем «отмену» Священного Писания, что, по мнению Ванхузера, является «нигилизмом» [50,с.73]. Если не смотреть на герменевтический подход Деррида, то можно сразу вступить в дискуссию, прежде чем искать плодотворность работ Деррида и возможность чему-либо у него научиться. Если учитывать, что не все тексты могут быть «открытыми», то некоторые поэтические фрагменты Писания не передают никакой информации, а лишь оставляют возможность «задуматься» над тем или иным смыслом. «Почему мы с такой готовностью полагаем, что

единственное предназначение языка – передача мыслей»? – восклицает Витгенштейн. Говоря о Писании, носящим литературный и поэтический характер, можно воспользоваться подмеченным Деррида «движением навстречу будущему». Чем больше мы изучаем текст, тем больше появляется у нас новых мыслей и аллюзий, ибо Писание говорит нам в основном об эсхатологической незавершенности. Богословие полагает, что интерпретация Священного Писания всегда открыта.

Деррида сделал метафизическое открытие, сказав, что метафизика Запада основана мифологической метафоре. Позднее Деррида, говорил о своем логоцентризме, заметит, что логоцентризм означает определенную навсегда связь между смыслом и словом, но не постулирует о центральном положении слова. Деконструкция, о которой писал Деррида в книге «Позиции», по его мнению, подвергает сомнению незаслуженное предпочтение того или иного смысла текста и проливает свет на то, чему он противостоит. В той же работе Деррида говорит об опровержении полной свободы смысла. Получается, что текст, способный разрушаться и изменяться, носит в себе смысловое постоянство. Если применять это в библейской герменевтики, то можно привести пример несовместимости относительной стабильности и текста. Смысл утверждения «Иисус был распят при Понтии Пилате» может изменяться по мере того, как Мартин Хенгель и другие совершенствуют наше представление о распятии. Но изменяется ли при этом исторический факт? Инженеры могут настаивать, что в их профессии язык передает не только состояние дел, но и точный порядок выполняемых действий. Универсальные науки подвержены местным факторам, таким как географические условия или численность исследовательской группы. На этот счет актуально высказался Гадамер, говоря о двух факторах влияющих на результаты таких исследований: с какой целью проводились исследования и кто являлся участником.

Мы можем согласиться с Деррида по поводу того, что тексты имеют множественный смысл и не все являются изобразительным и описательным,

однако следовало бы разобрать каждый конкретный случай. Витгенштейн, критикуя такое упущение Деррида, писал: задаваться абстрактным вопросом: «Что такое смысл?» [42] – значит двигаться в заведомо ложном направлении.

Ролан Барт тоже говорит о смерти автора, тогда как Юлия Кристева, их единомышленница во многих других вопросах, требует от Деррида и Барта обращения внимания на говорящего субъекта. Батру, как и Деррида, существенны противоречивые идеи. Особенно это прослеживается между его ранними и поздними работами. К примеру, в ранней работе «Элементы семиологии» Барт приписывает языку роль маскировки в случае таких систем обозначения, как одежда или мебель. Однако в одной из поздних работ Барт утверждает, что абсолютную смерть автора невозможно совместить с богословием. Развивая свои постмодернистские идеи, Барт отделяет произведение от текста, полагая, что текст лишен автора. Текст он напрямую связывает с «удовольствием». Текст, по мнению Барта, не суть творческой целенаправленности. Кроме удовольствия, испытываемого нами от прочтения, текст не имеет больше предназначений. Применяя данной утверждение к библейской герменевтики, можно сказать, что автор перестает контролировать текст, вместо него это делает читатель. Таким образом, постмодернистская идея Барта является бесцельным гедонизмом, поскольку Барт не дифференцировал жанры для выявления некоторых из них, направленных на удовольствие. Так же, Барт не проанализировал последствия удовольствия, одни из которых могли бы быть восхваление или же благодарность читателя.

Жана Бодрийера и Жана Франсуа Лиотара также можно отнести к европейскому постмодернизму.

Жан Лиотар в ранних своих трудах рассматривает проблему «несоизмеримости». Суть этой проблемы заключается в недопущении существования независимого критерия для сравнительного анализа различных само-последовательных точек зрения. Для примера Лиотар

использует язычество, как само-последовательную модель, отвергающую универсальность монотеизма. Между этими системами существуют непреодолимые различия. Лиотар утверждает, что представители немецкой классической философии, а так же христианские теисты, претендующие на универсальность, глубоко заблуждаются. Что касается герменевтики, то универсальность языка или смысла, предложенных в работах Витгенштейна, Лиотра называет одной из множеств языковых игр. Делая переход к постмодерну от язычества Лиотар не меняет содержание своих философских идей, а лишь подменяет понятия. Как мы уже говорили ранее, именно Лиотар дает самое упрощенное определение постмодернизма, называя его «недоверием к метаповествованием». В данном контексте метаповествование имеет смысл обобщающего повествования, который мы можем проследить в теологических работах христианских богословов. Лучшей и важнейшей своей работой Жана Лиотара по праву можно считать «Распри. Выражение в споре». В этом произведении Лиотар по-прежнему сочетает постмодерн и язычество. Термин «differend» (распри) обозначает неразрешимый конфликт между двумя сторонами. Каждая сторона использует ту языковую игру, которая заранее предполагает разрешение спора в пользу используемой стороны. Из этого можно сделать вывод, что противоречия между сторонами неразрешимы в силу несовместимости диаметральных взглядов. Таким образом, Распри (Differend) является возможностью более сильной стороны установить диктат. Беспристрастное суждение исключено. Никто не может предоставить объективное разрешение проблемы, находясь за пределами сложившихся обстоятельств. Описать проблему — значит ввести термины, заведомо предрешающие исход дела.

Применяя данную концепцию Лиотра к библейской герменевтики можно говорить о заранее закрытом тексте, поскольку иначе истинная герменевтическая дискуссия невозможна. Поскольку Церковь, Библия и христианство в целом всегда диктовало правила разрешения любого спора,

то обладание авторитета в рамках герменевтической парадигмы так же недопустимо.

Известного социолога и философа Жана Бодрийяра скорее следовало бы отнести к постструктуралистам, нежели к постмодернистам, однако его изучение самонаправленности языка к обществу ставит его в один ряд с Лиотаром, Деррида и Фуко. Бодрийяр, как и Лиотар утверждал о невозможности существования в обществе универсального смысла. Он считал, что отвелечение от подлинной реальности происходит за счет ложной согласованности между людьми. Важным открытием Бодрийяра является исследование подлинности реального мира при изучении различий между «ценностью» и «пользой». В современном потребительском обществе одно понятие подменяется другим, что означает «смерть» реального мира. На смену реальности приходит фантазия, копии, не имеющие оригинала, которые Бодрийяр назвал «симулякры». Его идею согласуются с библейским учением о силе самообмана. Итак, можно сделать вывод, что для герменевтической парадигмы идеи Бодрийяра очень важны. Быть может, их можно в дальнейшем будет применить в библейские герменевтики.

Американский постмодернизм

Исследуя американский постмодернизм стоит выделить представителя этого течения, Ричарда Рорти (1931-2007).

Известный профессор философии Ричард Рорти посвятил себя исследованию лингвистической философии, став сначала последователем традиционного американского прагматизма, а затем постмодернистом. Многие идеи прагматизма и постпрагматизма пересекаются с постмодернизмом, однако, в отличие от европейской традиции постмодерна американский более оптимистичен. Энтони Тиселтон подмечал с какой радостью и воодушевлением Рорти, переходя из постпрагматизм в постмодернизм заявляет о необходимости замены традиционной онтологии в философии. Если европейский постмодернизм критиковал ложь в религии, то американский прагматизм уверяет в дозволенности всего, если это не

помешает интересам местного сообщества. Что касается герменевтики, то Рорти считает, что если мы откажемся от эпистемологии в традиционной ее форме, то сможем на ее место поставить герменевтическую парадигму, которая, по его мнению, автономна и самодостаточна, применительно для разрешения появляющихся проблем. В традициях прагматизма Рорти утверждает, что рациональное может соответствовать своему определению только в рамках мнения местного сообщества, которое само определяет критерии рациональности. Если рассмотреть работу Рорти «Случайность ирония и солидарность», то в данной работе он подводит нас к такому критерию языка, как случайность. Этим утверждением он дублирует выводы своих предшественников об использовании языка, как маскировки. На основании вышеизложенной идеи можно сказать, что появляющиеся понятия не могут существовать и образовываться сами по себе, а появляются исходя из намерения человека. Эта идея не является исключительно постмодернистской, однако, Рорти идет дальше. Он настаивает на хаотичности личности человека и ее случайности, что означает тотальную случайность общества в целом.

Во второй части своей работы, касающейся иронии, Рорти называется «ироничными людьми» [44] Ницше, Хайдеггера и Деррида. Риторика становится у Рорти иронией и он делает очень важное и поразительно-смелое заявление «Существует... всего два способа мышления... В этом и заключается различие между серьезным человеком и ритором».

Рорти высказывал свое мнение по поводу того, что не соответствует критерием прагматизма, называя это мусором. Главное это прогрессивность, успешность и победа в рамках того или иного сообщества.

Рорти понимает критерий истины, как поощрение конкуренции, а также появление новых технологических открытий. Таким образом Рорти в своей философии возвращается к эпохе Просвещения и Реформации. Становится ясным, учитывая его склонность к герменевтике, идеи и философские концепции Рорти на практике не имеют ценности в рамках

герменевтической парадигмы постмодерна. В тоже время, возвращаясь к европейскому постмодернизму, идеи и переживания, сложившиеся в этом постмодернистском направлении, могут заставить многих представителей герменевтической науки переосмыслить фундаментальные принципы герменевтической науки. Конкретизируя вышеизложенное утверждение, Рорти, Фиш и Лиотар в своих идеях отходят предельно дальше того, что может исследовать герменевтическая наука. Деррида, Фуко, Барт и Бордрийяр разработали ряд философских концепций, которые можно применить в герменевтическом дискурсе, однако, учитывая современность их концепций, осмысление в рамках герменевтической парадигмы может предоставлять серьезную опасность. Мы уже говорили, что обобщения, в рамках постмодернистской философии, невозможны.

3.4. Деконструктивистские и контекстуальные направления в теолого-герменевтическом дискурсе постмодерна

Теолого-герменевтический дискурс постмодернизма дифференцируется на два основных направления: деконструктивистское и контекстуальное. При этом, важное замечание делает доктор философских наук А.В. Арапов, указывая на синтез постмодернизма и фундаментализма в конце XX века. Два этих направления объединяет критика критического разума. Однако, до конца XX столетия фундаментализм отставался в стороне этой критики, обусловив свое игнорирование проблемы – верой. В постмодернизме же происходит серьезный критический анализ относительно критического разума, что дает нам возможность осознать всю важность конструктивного подхода в постмодернистской парадигме. Поль Рикер ввел термин «первая наивность», согласно которой только с позиции критического раскрытия стоит подходить к символам. Что бы установить значение, необходимо сначала подойти к символу. Этот термин получил

другое название «посткритическая наивность». Он лучшим способом выражает сущность возврата к домодернистским источникам.

Деконструктивистский подход берет свое начало в работах Жака Деррида, о котором мы уже говорили в предыдущей главе. Интересное замечание сделал Джон Д. Капуто, назвав поздние труды Деррида «регигией без религии». Деконструктивисты считают, что существующий в современном мире теологический пласт знаний построен непосредственно на идеологии и тоталитаризме не без войн и насилия. Для того, чтобы построить правильные методы интерпретации, деконструктивисты идут в двух направлениях: активной и пассивной теологической реинтерпретации. Активность заключается в новом способе теоретизирования. Используемая ими деконструктивистская схема, одновременно включающая в себя постфеноменологическую и постструктуралистскую, выявляет и идентифицирует нелегитимность теологических систем в христианстве. Используя исторический и лингвистический анализ, а так же применяя принципы логики, деконструктивисты пытаются разрешить основные проблемы библейской герменевтики, создавая просторы для новых открытий.

Когда же речь идет о пассивном методе, то деконструктивисты, пользуясь историческим анализом, выявляют рудиментарные теологические концепты, оказывающиеся на грани исчезновения или серьезной деформации. Жан-Люк Нанси использует термин «самодеконструкция», являющийся продолжением Ницшеанской мысли о самообесценивании западных ценностей. Примеров можно привести массу, но для наглядности самодеконструкции можно взять средневековую индульгенцию. В современном мире эта концепция является неактуальной, неестественной и исчезнувшей.

Контекстуальная герменевтика не интересуется смыслами в их первозданной форме. Я представителей этого направления интересует интерпретация, актуальная в данный момент. Если говорить о библейской

контекстуальной герменевтики, то она заинтересована в тех интерпретациях, смысл которых будет важен в сложившейся современной ситуации. Как отмечает А.В. Арапов: « После интровертно-экзистенциалистской ориентации бульмановской разновидности либеральной теологии наступает период возврата к социально-экстравертной ориентации» [45]. Постмодернистская парадигма заново предлагает построение идеального общества в основании которого были бы новые информационные технологии. Но на пути к этой задаче появляется ряд социальных проблем, которые, с точки зрения герменевтической парадигмы постмодернизма, можно решить с помощью Библии.

Контекстуалисты утверждают, что современные богословские системы должны решать те проблемы, которые возникают в современном обществе. Так же, как мы говорили ранее, представители этого направления отказываются от первоначального содержания библейского текста, основываясь на постмодернистских тенденциях и потере интереса к неактуальной стороне библейской герменевтики. С точки зрения представителей контекстуальной герменевтики, если традиционная герменевтическая библейская парадигма была продиктована угнетающими, то новая система интерпретации должна стать в защиту интересов угнетенных.

Множество социальных групп были заинтересованы данным подходом, поскольку может создать новую почву для моральных ценностей в христианском мире, которые бы соответствовали современным тенденциям и социальным интересам.

Как отмечает в своей работе А.В. Арапов, можно выделить три направления контекстуальной библейской герменевтики: либерационистская герменевтика, феминистская герменевтика и афроцентрическая герменевтика.

Либерационистская герменевтика

«Теология освобождения», появившаяся в начале 70х годов XX века стала основной причиной появления либерационистской герменевтики. Именно ситуативность и актуальность современных проблем является предметом библейской интерпретации. Основное направление данного герменевтического подхода получило свое распространение среди Южно-Американских католиков. «Повествование об освобождении» понимается и интерпретируется Священное Писание в рамках либерационистской герменевтики. Если люди оказались угнетенными, то Библия способна найти разрешение проблемы и дать утешение и опору людям. Либерационисты считают, что настоящей христианской практикой является центральное положение настоящего времени в процессе интерпретации Писания. Это может создать такое общество, которое будет руководствоваться справедливостью и любовью. «Теология освобождение» предлагает Библейский текст в качестве катализатора в желании полностью освободиться.

Либерационистская герменевтика предлагает нам основные принципы этого подхода, выраженный в логической цепочки причинно-следственной связи.

1. Если Библейский Бог, несущий спасение, это «Бог для угнетенных», то Его позиция диаметрально насилью и несправедливости.
2. Следовательно, мы исключаем нейтральную и равную для всех интерпретацию, отдавая предпочтение бедным и угнетенным.
3. Если Священное Писание должно быть интерпретировано в контексте солидарности угнетенных, то «борьба за освобождение» является лучшим способом дать материал для вышеуказанной интерпретации.
4. Поскольку такое освобождение является делом всего общества, то угнетенные, как часть общества, являются привилегированным адресатом Священного Писания, которое должно интерпретироваться, как повествование об освобождении.

Библейская герменевтика в рамках либерационистского подхода наиболее актуальна, поскольку в Писании многократно повторяется возможность освобождения на примере Исхода, Воскрешения и т.д.

Феминистская герменевтика

Феминистскую герменевтику можно отнести к либерационистской, поскольку о основании этого направления, сложившегося в конце XIX века, лежит все тоже освобождение. Однако, для более детального рассмотрения этой герменевтической вариации мы ознакомимся отдельно.

Принципом данного герменевтического подхода является борьба за права женщин. Ключевым моментом, давшим большой толчок в развитии феминистской герменевтики является изданная в Нью-Йорке «Библия для женщин».

Фундаментальной основой богословия феминизма является постулирование женщины, как полноценного человека. Отсюда появляется резкая критика всего, что в Библии могло бы ущемить права женщины. Если статус женщины как полноценной личности уменьшается, деформируется, искажается, то такой текст не имеет духовных ценностей. Однако такая позиция имеет обратную сторону, поскольку все что утверждает в Священном Писании женщину как личность является священным. Представители феминистской герменевтики утверждают, что в последнем, положительном принципе их богословия, отражается подлинная природа вещей, истинное отношение к Божественному и настоящая миссия церкви, как справедливой и освобождающей. Богословский авторитет имеют только те традиции, сложившиеся в церкви, которым чужд патриархальный строй и предвзятое отношение, дискриминация по половому и гендерному признаку.

Феминистская библейская герменевтика указывает на некоторые факты в Священном Писании, которые служат обоснованием антипатриархального герменевтического принципа.

1. Бог покровительствовал народу, который являлся обществом беглых рабов.

2. Иисус включает в круг своего духовного родства не только «братий», то и «матерей» и «сестер».(Мк.3:31-3) Так же Иисус уделяет особое внимание женщинам в фактах упразднения нечистоты кровоточащей женщины, исцелив ее(Лк.8:43-48). Так же Иисус встает на сторону женщины, согрешившей прелюбодеяние, а затем прощает ее(Мк.14:3-9)
3. Иисус является примером защиты угнетенных, бесправных и отверженных.
4. Женщины наравне с мужчинами сопровождали Иисуса во время его путешествий. Так же, именно женщины, в отличие от мужчин, не побоялись присутствовать во время распятия и первым пришли к его гробу, став свидетелями Его Воскресения.
5. В первые века женщины не только принимали активное участие в проповеди христианского учения, но и становились лидерами церкви и даже апостолами.
6. Сам Христос женщину, свою мать, Деву Марию, по приданию удостоил вознесению на Небо.

Афроцентрическая герменевтика

Еще одним вариантом контекстуального подхода можно считать афроцентрическую герменевтику, которая, как феминистическая и либерационистская направлена на изучение текста с точки зрения угнетенных. В данном герменевтическом подходе мы говорим о жителях Африканского континента. Афроцентрическая герменевтика пытается разрушить главенствующее положение так называемой европейской «белой» герменевтики, предлагая афроцентрическую перспективу интерпретаций. Представители данного герменевтического подхода переосмысливают и разрушают деафриканизированную перспективу, освобождая себя в историческом и культурно-социальном смысле. Как пишет в твоей работе Арапов А.В.: «Библия была «деафриканизирована» западными герменевтами, и необходимо восстановить истинное понимание Писания. Один из представителей афроцентрической герменевтики пишет: Среди

исследователей Ветхого Завета существовала тенденция отвергать то, что африканские нации и отдельные африканцы играли роль в тексте Ветхого Завета или имели влияние на него. Иногда методы, с помощью которых отрицалось присутствие африканцев, были тонкими, иногда они не были столь тонкими. Афроцентрическая герменевтика считает одним из таких методов использование понятий «Ближний Восток», «Средний Восток», и «Средиземноморье», с помощью которых библейские страны (такие, как Египет и Эфиопия) отрываются от Африки.» [4].

Используя вескую аргументацию своей теории афроцентристы обвиняют Запад в деафриканизации библейского текста, а следовательно в расизме. Начинают представители афроцентрической герменевтики с Ветхого Завета, указывая местоположение Эдема в землях Африки, поскольку две из четырех рек Райского сада берут свое начало в Африке. Так же они указывают на культурное влияние Египта на формирование израильского народа. Так же, можно напомнить о том, что именно африканец помогал нести крест Христу (Мк.15:21; Лк.23:26; Мф.27:32). Первым человеком, ставшим христианином стал евнух из Эфиопии (Деян.8).

3.5. Тенденции православной библейской герменевтики XIX-XX вв.

Становление православной библейской герменевтики началось с ее появления, как дисциплины в русском богословии и связано с именем известного ректора Московской духовной академии митрополита Платона(Левшина). Митр. Платон ввел курс герменевтики в систему преподавая библеистики в Академии. Сам митрополит Платон считал, что основным правилом толкования является «раскрытие буквального смысла», воздерживаясь от намеренных поисков «тайного смысла там, где оно нет». Митрополит писал: «для разумения темных мест сводить места параллельные, не забывая при толковании выводить и нравоучения, отсюда следующие, пророков толкуя, показывать, когда их пророчества

исполнялись» [52, с. 196]. В начале XIX века были изданы труды по библейской герменевтики автором которых был ректор Московской духовной академии митрополита Амвросия (Подобедова) «Руководство к чтению Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета» (М., 1799. К., 18254), архиеп. Феоктиста (Мочульского) «Драхма от сокровища божественных писаний Ветхого и Нового Завета, то есть Сокращение правил при чтении Священного Писания к знанию потребных» (М., 1809).

Во второй половине XIX века герменевтическая богословие получило свою актуальность из-за появившегося перевода Библии на русский язык, в связи с чем образовалось новое дискуссионное поле среди богословов и библеистов. Вследствие новых полемик перед герменевтическим богословием встает важный вопрос об авторитетном тексте Священного Писания. Обращаясь в письме к Святейшему Синоду митрополит Филарет (Дроздов) на тему «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого Семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» писал о важности греческой Септуагинты и ее текстологического превосходства над Массоретским текстом. Святителем Филаретом были предложены герменевтические правила, которые помогли бы лучше и качественнее исследовать Библейский текст привлекая для анализа не только тексты на языке оригинала, но и греческие и славянские переводы. К примеру Септуагинте можно отдать большее предпочтение при толковании Ветхозаветной цитаты, используемой в Новозаветном тексте.

В монографии профессора П.И. Савваитова Санкт-Петербургской духовной академии, изданной в 1859 г. («Библейская герменевтика, или Православное учение о способе толкования Священного Писания»), также можно найти систематическое изложение герменевтической дисциплины. Основным вопросом герменевтики профессор считает смысл библейского текста. Савваитов дифференцирует буквальный текст на «собственный», когда слова употребляются в их прямых значениях, так и «переносный», когда символизм текста предлагается автором, как основной смысл (к прим.

Поэтические образы). Савваитов считает, что к переносному смыслу текста стоит прибегнуть, когда буквальный смысл вводит противоречия. Одним из примеров служит антропоморфизмы по отношению к Богу. Важнейшим принципом толкования по мнению Савваитов является ориентация на православное учение Церкви.

3.6. Легитимность историко-критического метода православной герменевтики

В конце XIX века русские библеисты и богословы задались вопросом разработки православной парадигмы в ответ на доминирующий историко-критический метод в Западной философии.

Во множестве работ русских философов критике были подвергнуты не только предпосылки историко-критического метода, которые противоречили православному историческому Преданию и традиция церкви, но конкретные умозаключения западных исследователей библейской герменевтики.

Критической работой против тюбингенской школы Баура и его единомышленников стал трехтомная работа профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковского. Профессор МДА протоиерей Н.Ф. Рыбинский в своих трудах исследовал современную критику Ветхого Завета в работе «Современная критика Священных Ветхозаветных Писаний и ее слабые стороны».

Одной из важнейших работ русских философов и библеистов 20 века является труд Д.С. Леонардова, который писал о богодухновенности Священного Писания. Леонардов исследует развитие историко-критического метода с XVI по XIX век и делает вывод, что данная теория либо отвергает богодухновенность текста, либо умаляет авторство Бога.

В начале XX века дискуссия вокруг историко-критического метода привела к разделению библеистов и богословов на два лагеря, где одни – разрабатывали и формулировали основания для лаконичного и органичного

принятия историко-критического метода, другие- оставались в этом вопросе фундаменталистами, придерживаясь традиционной экзегезы.

Поисками герменевтических оснований для синтезирования православного богословия и историко-критического метода занялись русские богословы Парижской школы, которые для аргументации наличия человеческого фактора в авторстве Писания предлагали аналогию «учения о богодухновенности Библии и позицией Халкидонского Собора о Богочеловечестве Иисуса Христа. В 1927 году С.С. Безобразов(впоследствии епископ Кассиан) выступил с докладом на конференции, где провел аналогию между Халкидонским учением о соединении двух естеств во Христе и «двуединой богочеловечной сущностью» [50, с. 5]. Слова Божия. «Что касается тех мест, аутентичность которых библейская критика отвергает, то правосл. исследователь, по его мнению, должен все же считаться с их местом в контексте, но «вправе смотреть на эти отрывки как на разночтения» [50, с. 5].

В докладе «Библейская критика и церковный авторитет» профессор Афинского университета В.Веллас приводит ряд аргументов в пользу легитимности историко-критического метода для православной герменевтики. По мнению профессора Учение о богодухновенности в православной концепции не может стать противоречием и причиной для игнорирования текстологической критики. В. Веллас говорит о возможности наличия дополнений в Писании, сделанных другими авторами, но с тем условием, что Церковь признает их в своем статусе или есть стали известны несколько авторов какой-либо книги, которую приписывали ранее одному. Если историко-критический метод не ставит под вопрос нравственные и тем более догматические истины Писания, то результаты такого метода должны быть приняты.

Один из представителей русской эмиграции Б.И. Сове в тезисах, которые он составил для первого православного богословского конгресса 1936 года писал о Русской дореволюционной библейской школе, как о

«традиционно-консерваторской», ищущей свои основания в патристической письменности. Сове был уверен, что на вопросы Западной библейской герменевтики «православные библеисты еще не дали своего ответа». Исследователь должен отличаться от проповедника тем, что не должен связывать себя традиционной мессианской экзегезой, если она не согласуется с историко-критическим анализом.

В 1944 г. профессор Православного богословского института в Париже А.В. Карташев выступил с актовой речью «Ветхозаветная библейская критика», в которой утверждал необходимость использования историко-критического метода в православной библеистике [53]. Автор повторяет тезисы, высказанные Сове, о недостаточном уровне библейских исследований в России и, отказываясь от традиционного определения богодухновенности, в частности предложенного Леонардовым, проводит аналогию между учением о богодухновенности Свящ. Писания («богочеловеческого Слова») и определением Халкидонского Собора, что позволяет, по его мнению, применить к «человеческой стороне» Священного Писания критический метод. Карташев утверждает независимость вероучительного авторитета библейских книг от их авторства и в ряде случаев признает их компилятивный характер.

Многие выводы историко-критической школы разделял и другой представитель парижской школы — протопр. Алексей Князев, принимавший в целом документарную гипотезу возникновения Пятикнижия; подобный подход в 80-90-х гг. XX в. был характерен для ряда преподавателей ЛДА, а также для работ прот. Александра Меня. Среди греч. экзегетов сторонниками синтеза историко-критического метода с традиц. церковной экзегезой являются Веллас, Е. Золотас, Н. Дамалас, П. Брациотис и В. Иоаннидис, С. Агуридис, а также ряд совр. библеистов: Д. Тракателлис, И. Икономос, Я. Каравидопулос, Я. Панагопулос, П. Василиадис и др. В Американской Православной Церкви историко-критического метода придерживается прот. Павел Тарази.

Укорененность православия патристической традиции в Священном Писании подчеркивал прот. Георгий Флоровский, который также отстаивал преимущества типологического метода толкования экзегезы перед отвлеченными аллегорическими толкованиями, «ибо он лучше всего соответствует представлению о Священном Писании как последовательном раскрытии Божественного Откровения не только в букве библейского текста, но и в Священной истории» [54, с. 628]/

3.7. Смысловая функция библейского хиазма

«Центр хиастического построения лежит на его крайних элементах в фокусе» [51]. Епископ Кассиан писал, что в истории развития лингвистических форм хиазм является явлением естественным и общечеловеческим.

Для начала надо дать определение хиазму. Хиастическая структура это такой прием в литературе и в иных текстах, где используется перекрестное расположение понятий или слов, которые могут повторятся в обратном порядке. Нильс Лун, исследующий хиастические структуры считал, что хиазм является примитивной формой выражения, которая выводится из естественной потребности в повторном рассмотрении сказанного для проверки и самоанализа. В такой интерпретации хиастическая структура не может являться искусством, а лишь работой бессознательного. Однако протоиерей Иоанн Брек, исследующий хиастические структуры в Писании, ссылаясь на Августина стока писал, что одним из самых распространенных педагогических приемов был именно хиазм. Детей учили алфавиту сначала от начала к концу, затем от конца к началу, после от начала к середине и соответственно от конца к середине. Впоследствии наученные таким приемам изучения древние греки подходили так же к исследованию и написанию текста, тем самым постигая заложенные там хиастичесаие структуры и обратные параллелизмы. Читать «хиастически» было для древних столь же

естественно, как для нас — читать согласно ходу развития повествования. Возможно, происхождение схемы истерон-протерон восходит к Гомеру, который мог переделать ее из более древнего концентричного параллелизма, унаследованного от древних семитов. В любом случае это было общее свойство, хорошо знакомое всем, изучавшим греческую риторику»- пишет Джон Брек. Епископ Кассиан, исследуя работы Гомера, Платона и в принципе всех античных философов замечает там хиастические структуры.

Герменевтический подход к библейскому тексту открыл, что самым значительным и часто повторяющимся приемом Писания является хиазм, который оказал большое влияние на подход к пониманию Библии. К примеру, предшественники еп. Кассиана пришли к выводу, что хиастические структуры в ветхом Завете объясняются их литургическим употреблением в иудейском обществе.

Отличительной чертой хиастической структуры является опорный центр, несущий в себе преимущественно концептуальную роль, а именно переносящий смысловой акцент со всей строки на себя. В работе, которую написал Иоланн Брек, он отмечает, что отследить и выявить все хиазмы античных авторов невозможно, поскольку хиастические структуры использовались интуитивно. Не смотря на вариативность хиастических структур мы все же рассмотрим Евангелие от Иоанна на их наличие.

«Обратный бинокль» это и есть опорный центр к которому обращен текст. К примеру «Любовь от Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин 4:7-8). Интересен пример Ин. 14:1, где инверсия видна в греческом (πιστεύετε εἰς τὸν Θεόν / καὶ εἰς ἐμέ πιστεύετε) или русском (веруйте в Бога / и в Меня веруйте) тексте, однако не так ясна, например, в английском переводе: «You believe in God / believe also in Me».

Если мы создаем такой хиазм, в котором вторая строка, и даже каждое слово второй строки синонимизирует к первой, то такая лингвистическая структура называется «полным хиазмом»: «Который отворяет – и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит» (Откр. 3:7). Прочитанное

буквально 1 Ин. 5:7-8: «три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном» образует триколон А: В: А.

Тетраколон А:В:В':А' может представлять собой хиазм, если высказывание В: В' является смысловым центром пассажа:

А: Всякий, пребывающий в Нем,

В: не согрешает;

В': всякий согрешающий

А': не видел Его и не познал Его.

(1 Ин.3:6).

Однако наиболее общей формой является хиастический пентаколон А: В: С: В': А'. Именно эта структура характерна для всего Четвертого Евангелия и также имеет место в Первом послании Иоанна:

А: Всякий, рожденный от Бога,

В: не делает греха,

С: потому что семя Его пребывает в нем;

В': и он не может грешить,

А: потому что рожден от Бога.

(1 Ин. 3:9)

Центральным утверждением здесь является С, выражающее то, что семя (Дух) пребывает в том, кто рожден от Бога, что, по всей вероятности, имеет отношение к членам иоанновской общины, в крещении родившимся от Духа (ср.: Ин. 3:5-6).

В следующем примере встречаем антитетический параллелизм:

А: Если мы говорим, что имеем общение с Ним,

В: а ходим во тьме,

С: то мы лжем и не поступаем по истине;

В': если же ходим во свете, подобно как Он во свете,

А': то имеем общение друг с другом...

(1 Ин. 1:6-7)

В этом случае хиазм направлен на акцентирование внимания на послышке С, суть которой в том, что лживыми являются ищущие общения со Христом, но совершающие по-прежнему грехи.

Чаще всего в писании Нового Завета используется пентатлон.

Современный экзегет наравне с любым другим читателем Писания должен уметь распознать хиастические структуры, как это делали древние люди. Неумение находить хиазмы в тексте приводит к колоссальным ошибкам и наводит читателя на мнимую и ложную мысль, что текст противоречит сам себе. Самым очевидным примером в рамках исследования и толкования Нового Завета выступает «теория смещения», применяемая к Евангелию от Иоанна.

Рудольф Бультман, чьи концепции мы разбирали в предыдущей главе, был автором. Теории смещения, делая комментарии к вышеупомянутому евангелию. Бультман, а затем его ученики решили, что ссыска об исцелении в субботу в 7 главе (Ин. 7:21-23) относится к главе 5, где Иисус исцеляет у Овчей купели. Тем самым эти отсылки говорят нам о «смещении» в Евангелии от Иоанна. Так же можем заметить, что Иоанн зачем-то прерывает «умножение хлебов» в 6 главе на «хождение по водам».

Но если мы применим хиастические структуры, то будет очевидно, что центральной опорой 6 главы является как раз «хождение по водам», которое говорит о Новом Исходе. Поэтому «умножение хлебов» как бы дополняет евхаристическим смыслом. Эти пассажи находятся по разные стороны «хождения по водам», подобно боковым полотнам триптиха. Центральный момент 6 главы, хождение по водам, продолжает свое движение в тексте, с одной стороны, к главе 5 – исцеление у Овчей купели, и отражается в 7 главе, тем самым создавая параллели.

Понимание и искусство истолковывать текст является главной задачей герменевтики. Эстетические основания хиазма заключаются в ясности и прозрачности выражения смысла, тем самым мы должны понять, что лучший

путь к открытию смысла лежит через всеобъемлющий анализ той лингвистической структуры, которая может передавать этот смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования мы можем сделать выводы по проблемам современной герменевтики. Как мы уже знаем, проблемное поле современной библейской герменевтики включают в себя проблему интерпретации библейского текста в рамках постмодернистской парадигмы, проблему соотношения современной герменевтики с догматическим богословием и христианским фундаментализмом в целом, а также ряд социокультурных проблем.

Определив актуальность исследуемой темы, которая обусловлена тем фактом, что постмодернистская парадигма является наиболее значимым духовным явлением современности, мы выяснили, что возникновение постмодернистской концепции связано с разочарованием в предшествующих философских парадигмах. Сформулировав новые представления и концепции философии и науки, определив новую роль человека в универсуме, постмодернизм предложим совершенно новую парадигму миропонимания.

Прежде чем мы приступили к необходимому исследованию современной герменевтики и предшествующим ей герменевтическим парадигмам, мы определили сущность герменевтики, как науки, а также сделали сравнительный анализ герменевтики и философии. Подводя итог по вопросу «понятия герменевтики», мы обратили внимание на качественные различия между ней и экзегезой и интерпретацией. Экзегеза и интерпретация занимаются обозначением реальных процессов, происходящих при толковании текста, в то время как герменевтика отвечает на вопрос: «какую роль играет читатель и что он делает, в процессе чтения, понимания и применения на практике текста?». Так же, герменевтический подход изучает критерии и условия, гарантирующие обоснованность и результативность, объективность и адекватность в процессе толкования. Такое понимание герменевтической парадигмы еще раз подтверждает необходимость обращения к иным академическим дисциплинам. Герменевтика учитывает

философские и психологические, социологические и многие другие проблемы, основанные на интересах, как отдельной личности, так и группы людей.

В рамках современной библейской герменевтики запада мы выделили либеральный и консервативный подходы толкования Писания. Эпоха позитивизма и веры в прогресс заложила основы либерального направления. Возможность создания рая на земле по средствам развитой человеческой цивилизации — главная цель либералов. Представители данной парадигмы считают религию архаичным рудиментом в современном мире. На смену ей должен появиться научный подход, обосновывающий ценность Писания, для достижения гармонии и блаженного существования на земле. В основе нравственно-социального прогресса должно стоять учение, предложенное Иисусом. Для этого необходимо посредством исторического и критического анализа согласовать личность Иисуса с проблемами современного мира.

В основе консервативного подхода лежат фундаментальные, традиционные принципы библейской герменевтики, которые мы рассмотрели во второй главе данной работы. Однако появление консервативного подхода, как парадигмы является реакцией на либеральный подход. Консерваторы являются представителями разных церквей протестантской ветви христианства. Главным различием между либеральной и консервативной парадигмой является отношение к библейскому тексту. Если либералы, как мы говорили ранее, считают Библию — основой для создания идеального мира на земле, то консерваторы, как и традиционные библеисты видят в тексте Писания путеводитель души к небесным чертогам.

Далее, мы рассмотрели герменевтику Шлейермахера и Гадамера. Шлейермахер обозначает задачи, поставленные перед герменевтикой, которые заключаются в проникновении в текст, и чувствовании автора посредством интуиции. В современной герменевтической парадигме читатель не только занимается поиском смысла, но и должен фиксировать влияние автора на себя. Влияние текста заключается в том, как изменится

наше сознание и жизнь после прочтения. Так же, Шлейермахер проводит черту между сутью и смыслом текста, определяя понимание текста, как становление себя на авторское место.

Шлейермахер предлагает два герменевтических подхода: Психологический и грамматический. Психологический подход заключается в необходимости понимания хода мыслей, отодвигая на второй план жанр, стиль и лексику автора. Грамматический подход противоположен психологическому и предполагает такой способ интерпретация, в которой форма текста является первостепенной относительно самого текста.

Герменевтика Гадамера является онтологической герменевтикой. Гадамер, как и Хайдеггер в основу своего герменевтического метода полагает аутентичные онтологические основания. Гадамеровская герменевтика понимает текст в рамках исторических процессов. Гадамер заявляет об историчности истины, прилагая ее к целостному событию в вечности. Таким образом, истина не суть результат операций логики, но событие духа. Герменевтика есть способ толкования синтеза жизненных событий и человеческого опыта.

Прежде чем приступить к исследованию постмодернистской библейской герменевтики мы постарались понять совместимы ли вообще постмодернизм и христианство. Постмодернизм отказывается от фундаментальности и стандартизации знаний, считая, что естествознание не в силах дать исчерпывающую оценку мудрости и знаниям. Соглашаясь с Ницше и Витгенштейном, представители постмодерна считают невозможным грамматике структур, находящихся на поверхности, привести к смыслу. Следовательно, мы можем дать положительный ответ на вопрос конгруэнтности христианского учения и постмодернистской философии. С другой стороны, постмодернизм несет более широкое понятие, чем может показаться на первый взгляд. В Америке постмодернистское течение повторно открывает в философии прагматизм. Именно Ницше положил начало этому движению. Атеистический релятивизм и скептицизм стали в

основании постмодернизма. Далее, свое развитие постмодернизм получил в работах таких философов, как Роланд Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар, которые отличаются своим враждебным отношением к теизму.

Многие идеи постмодерна имеют большую ценность, однако наряду с ними есть идеи, которые совершенно разрушительны для христианства. Далее, исследуя постмодернистскую герменевтику, мы заметим, важность взаимодействия этого нового течения и герменевтической парадигмы. Однако стоит заметить, что постмодерн, в виду некоторых своих положений, не может дать развития герменевтической науке. Вспомним известное высказывание: «Он прав в своих утверждениях и неправ в отрицаниях» (это высказывание часто используется в оценке интерпретации искупления). Можно предположить в качестве эксперимента, что сторонники постмодернизма зачастую правы в своих отрицаниях и неправы в своих утверждениях. Третий возможный ответ на вопрос о совместимости постмодернизма с христианской верой одновременно и положителен, и отрицателен. А если точнее, то в некотором отношении — положителен, а в некотором — отрицателен.

Далее мы исследовали Американский и Европейский постмодернизм, оказавший немаловажное влияние на герменевтическую науку. В европейском постмодернизме мы выделили Жака Деррида, предложившего деконструктивный герменевтический подход, а также открывший в герменевтики множественный смысл, считая, что не все тексты являются изобразительным и описательным. Жан Лиотар, представитель европейского постмодернизма считал, что в рамках библейской герменевтики можно говорить о заранее закрытом тексте, поскольку иначе истинная герменевтическая дискуссия невозможна. Поскольку Церковь, Библия и христианство в целом всегда диктовало правила разрешения любого спора, то обладание авторитета в рамках герменевтической парадигмы так же недопустимо. Так же мы выделили еще одного представителя – Жана

Бодрийяра. Важным открытием Бодрийяра является исследование подлинности реального мира при изучении различий между «ценностью» и «пользой». В современном потребительском обществе одно понятие подменяется другим, что означает «смерть» реального мира. На смену реальности приходит фантазия, копии, не имеющие оригинала, которые Бодрийяр назвал «симулякры». Его идеи согласуются с библейским учением о силе самообмана. Американский постмодернизм дал толчок для развития контекстуального направления в теолого-герменевтическом дискурсе современной герменевтической парадигмы. Многие идеи прагматизма и постпрагматизма пересекаются с постмодернизмом, однако, в отличие от европейской традиции постмодерна американский более оптимистичен. Главное для американского постмодерна это прогрессивность, успешность и победа в рамках того или иного сообщества.

Следующим шагом нашего исследования, мы подошли к главной теме работы: Деконструктивистские и контекстуальные подходы в теолого-герменевтическом дискурсе постмодернистской герменевтики. Деконструктивисты считают, что существующий в современном мире теологический пласт знаний построен непосредственно на идеологии и тоталитаризме не без войн и насилия. Для того, чтобы построить правильные методы интерпретации, деконструктивисты идут в двух направлениях: активной и пассивной теологической реинтерпретации. Активность заключается в новом способе теоретизирования. Используемая ими деконструктивистская схема, выявляет и идентифицирует нелегитимность теологических систем в христианстве. Используя исторический и лингвистический анализ, а также применяя принципы логики, деконструктивисты пытаются разрешить основные проблемы библейской герменевтики, создавая просторы для новых открытий. Когда же речь идет о пассивном методе, то деконструктивисты, пользуясь историческим анализом, выявляют рудиментарные теологические концепты, оказывающиеся на грани исчезновения или серьезной деформации.

Контекстуалисты утверждают, что современные богословские системы должны решать те проблемы, которые возникают в современном обществе. Так же, как мы говорили ранее, представители этого направления отказываются от первоначального содержания библейского текста, основываясь на постмодернистских тенденциях и потере интереса к неактуальной стороне библейской герменевтики. С точки зрения представителей контекстуальной герменевтики, если традиционная герменевтическая библейская парадигма была продиктована угнетающими, то новая система интерпретации должна стать в защиту интересов угнетенных.

Множество социальных групп были заинтересованы данным подходом, поскольку может создать новую почку для моральных ценностей в христианском мире, которые бы соответствовали современным тенденциям и социальным интересам. Мы выделили три направления контекстуальной библейской герменевтики: либерационистская герменевтика, феминистская герменевтика и афроцентрическая герменевтика. Либерационисты считают, что настоящей христианской практикой является центральное положение настоящего времени в процессе интерпретации Писания. Это может создать такое общество, которое будет руководствоваться справедливостью и любовью. «Теология освобождения» предлагает Библейский текст в качестве катализатора в желании полностью освободиться. Феминистскую герменевтику можно отнести к либерационистской, поскольку о основании этого направления, сложившегося в конце XIX века, лежит все тоже освобождение. Принципом данного герменевтического подхода является борьба за права женщин. Представители такого подхода выстраивают свою аргументацию на основании немаловажной роли женщин в библейском тексте. Еще одним вариантом контекстуального подхода можно считать афроцентрическую герменевтику, которая, как феминистическая и либерационистская направлена на изучение текста с точки зрения угнетенных. В данном герменевтическом подходе мы говорим о жителях Африканского

континента. Афроцентрическая герменевтика пытается разрушить главенствующее положение так называемой европейской «белой» герменевтики, предлагая афроцентрическую перспективу интерпретаций.

Завершая исследование мы рассмотрели православный взгляд на герменевтическую науку в целом.

Становление православной библейской герменевтики началось с ее появления, как дисциплины в русском богословии и связано с именем известного ректора Московской духовной академии митрополита Платона(Левшина). Митр. Платон ввел курс герменевтики в систему преподавая библеистики в Академии. Сам митрополит Платон считал, что основным правилом толкования является «раскрытие буквального смысла», воздерживаясь от намеренных поисков «тайного смысла там, где оно нет».

Во второй половине 19 века герменевтическая богословие получило свою актуальность из-за появившегося перевода Библии на русский язык, в связи с чем образовалось новое дискуссионное поле среди богословов и библеистов. Вследствие новых полемик перед герменевтическим богословием встает важный вопрос об авторитетном тексте Священного Писания.

В начале 20 века дискуссия вокруг историко-критического метода привела к разделению библеистов и богословов на два лагеря, где одни – разрабатывали и формулировали основания для лаконичного и органичного принятия историко-критического метода, другие- оставались в этом вопросе фундаменталистами, придерживаясь традиционной экзегезы.

Поисками герменевтических оснований для синтезирования православного богословия и историко-критического метода занялись русские богословы Парижской школы, которые для аргументации наличия человеческого фактора в авторстве Писания предлагали аналогию «учения о богодухновенности Библии и позицией Халкидонского Собора о Богочеловечестве Иисуса Христа. В 1927 году С.С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан) выступил с докладом на конференции, где провел

аналогию между Халкидонским учением о соединении двух естеств во Христе и «двуединой богочеловечной сущностью» Слова Божия. «Что касается тех мест, аутентичность которых библейская критика отвергает, то правосл. исследователь, по его мнению, должен все же считаться с их местом в контексте, но «вправе смотреть на эти отрывки как на разночтения».

В докладе «Библейская критика и церковный авторитет» профессор Афинского университета В. Веллас приводит ряд аргументов в пользу легитимности историко-критического метода для православной герменевтики. По мнению профессора Учение о богодухновенности в православной концепции не может стать противоречием и причиной для игнорирования текстологической критики. В. Веллас говорит о возможности наличия дополнений в Писании, сделанных другими авторами, но с тем условием, что Церковь признает их в своем статусе или есть стали известны несколько авторов какой-либо книги, которую приписывали ранее одному. Если историко-критический метод не ставит под вопрос нравственные и тем более догматические истины Писания, то результаты такого метода должны быть приняты.

Герменевтический подход к библейскому тексту открыл, что самым значительным и часто повторяющимся приемом Писания является хиазм, который оказал большое влияние на подход к пониманию Библии. К примеру, предшественники еп. Кассиана пришли к выводу, что хиастические структуры в ветхом Завете объясняются их литургическим употреблением в иудейском обществе.

Существенной особенностью хиазма является опорный центр, который по преимуществу становится концептуальным, т.е. делающий смысловой акцент всей строфы на себе.

В результате нашей исследовательской работы мы, на наш взгляд, достигли заявленной цели. Так же в нашей работе были выполнены поставленные нами основные задачи исследования: Рассмотреть такую дисциплину, как герменевтика и понять ее философский и богословский

характер. Изучить основные направления и сущность библейской герменевтики II-XXвв. для понимания современного взгляда на устоявшуюся догматическую позицию. Рассмотреть возможность осмыслить христианство в рамках современной герменевтики, а также найти основания для нового взгляда на библейский текст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Карташев А.В. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947.
2. Курочкина О. В. Предисловие [ко 2-й части] // Русские писатели-богословы: Историки Церкви. Исследователи и толкователи Свящ. Писания: Библиогр. указ. М., 2001.
3. Принципы православного толкования Слова Божия // Путь. 1928. № 13. С. 5-6
4. Тисельтон Э. «Герменевтика». Черкассы: Коллоквиум, 2011.
5. Флоровский. Откровение и Истокование // Вера и культура. СПб., 2002.
6. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: «ЕвропейскийДом». 2004.

Литература на русском языке

7. Гадамер Г.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
8. Деррида Ж. Два слова для Джойса. // Ad Marginem 93. Ежегодник. М., "Ad Marginem", 1994.
9. Деррида Ж. Московские лекции 1990. Свердловск, 1991.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с франц. М. : Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.
11. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.

Диссертации и авторефераты

12. Арапов А.В. Постмодернистская библейская герменевтика: Дисс. ... докт. философ. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002.

Электронные ресурсы

13. Борисов Е.К. К вопросу о феноменологическом методе в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Сайт

«Философия@Глобала.Ру». [М., 2003]. URL:
<http://philosophy.globala.ru/idx/711.html> (дата обращения: 24.02.2013).

Литература на иностранных языках

14. Bernard J.E. Lonergan, *Method in Theology*. London: Darton, Longman and Todd, 1972.
15. Clement, *Stromata* 5.12.80.
16. Clement, *Stromata* 5.4.1-3; cf. 5.5-8.
17. David Harvey. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989.
18. David Lyon, *Postmodernity* (Buckingham: Open University PreSs, 1994), pp. 6-7; Graham Ward, ed., *The Blackwell Companion to Postmodern Theology*. Oxford: Blackwell, 1989.
19. David M. Livingstone, *Science, Space, and Hermeneutics*. Heidelberg: University of Heidelberg, 2002; and Livingstone, *Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
20. Didore, preface to *Commentary on the Psalms*; cf. J. N. D. Kelly, *Early Christian Doctrines*, 5, h ed. London: Black, 1977.
21. Dimitri Z. Zaharopoulos, *Theodore of Mopsuestia on the Bible: A Study of His Old Testament Exegesis*. New York: Paulist, 1989.
22. Dockhorn K. Hans-Georg Gadamer: *Wahrheit und Methode II Cöttingsche Gelehrte Anzeigen*. 1966. № 218.
23. elder C.H. *Cultural ideology, Afrocentrism and biblical interpretation // Black theology: a documentary history*. Vol. 2. New York, NY: Orbis, 1993.
24. Elizabeth Castelli, "Interpretations of Power in 1 Corinthians", in Michel Foucault and *Theology*. Oxford: Blackwell, 1956.
25. Fuchs. *The Hermeneutical Problem*. p. 277.
26. Greenslade, *Cambridge History*, 3:141-42.
27. Hanson, *Allegory and Event*, p. 117.

28. Henning Graf Reventlow, *The Authority of the Bible and the Rise of the Modern World*, 1999.
29. Thomas Aquinas, *Summa Theologiae*, Latin and English, Blackfriars edition, 60 vols. London: Eyre and Spottiswood; New York: McGraw-Hill, 1963.
30. Irenaeus, *Against Heresies* 1.18.1. См. далее Kendrick Grobel, *The Gospel of Truth: A Valentinian Meditation on the Gospel*. London: Black, 1960.
31. Blackman E.C. *Marcion and His Influence*. London: SPCK, 1948.
32. Hoffmann J. *Marcion: On the Restitution of Christianity*. Chico, Calif.: Scholars Press, 1984.
33. James M. Robinson. *Hermeneutics since Barth*, in *New Frontiers in Theology*, vol. 2, *The New Hermeneutics*, ed. James M. Robinson and John B. Cobb, Jr. New York and London: Harper and Row, 1964.
34. John Chrysostom, *Commentary on the Acts of the Apostles* horn. 1.1,2.
35. Justin. *Apology*. London, 1964.
36. Letty Russell. *The Liberating Word: A Guide to Nonsexist Interpretation of the Bible*. Philadelphia: Westminster Press, 1975.
37. Lubac. *Medieval Exegesis*. London: Harper and Row, 1964.
38. Ludwig Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1958.
39. LundN. *Chiasmus in the New Testament. A study in Formgeschichte*. Chapel Hill. The University of North Carolina Press, 1942.
40. Martin Luther, *Commentary on the Epistle to the Hebrews*, in *Luthers Early Theological Works*, ed. James Atkinson, *Library of Christian Classics*, vol. 16. London: SCM, 1962.
41. Martin Luther, *The Heidelberg Disputation 20 and 21*, in *Luther's Early Theological Works*. London, 1877.
42. Origen, *Commentary on John*. Grand Rapids: Eerdmans; Edinburgh: T. & T. Clark, 2000.
43. Origen, *De principiis*. 4.28; cf. 1.3.

44. Parker, Calvins Old Testament Commentariesy. London: Harper and Row, 1964.
45. Reventlow. Authority. London, 1977.
46. Robert W. Funk, Language, Hermeneutic, and Word of God. New York: Harper and Row, 1966.
47. Rorty, Contingency, Irony, and Solidarity. London, 1989.
48. T. H. L. Parker, Calvins Old Testament Commentaries. Edinburgh: T. & T. Clark, 1986.
49. Terry, Biblical Hermeneuticsy. London: Harper and Row, 1969.
50. Thomas Dochert. Postmodernist Theory: Lyotard, Bauldrillard, and Others, in Twentieth-Century Continental Philosophy, ed. Richard Kearney. London and New York: Routledge, 1994.
51. Vanhoozer, Is There a Meaning? Cambridge: Cambridge University Press, Parker, 1991.
52. William Tyndale, A Pathway into the Holy Scripture, in Tyndale, Doctrinal Treatises and introductions to Holy Scripture. Cambridge: Cambridge University Press Parker, 2007.
53. E. G. Rupp and Benjamin Drewery, eds., Martin Luther: Documents of Modern History. London: Arnold, 1970.